

Низвержение Жар-птицы

Автор:

Григорий Ананьин

Низвержение Жар-птицы

Григорий Евгеньевич Ананьин

Вы когда-нибудь хотели попасть в сказку? Ту самую, где встретить лешего, водяного и кикимору – обычное дело, а во главе государства стоит белобородый царь? Пятнадцатилетний Максим там очутился помимо своей воли и непостижимым для себя образом, когда дорожная катастрофа должна была его убить вместе с младшим товарищем Павликом. Найти друга, если он уцелел, и вернуться домой – вот что отныне стало смыслом существования Максима. Его ровесники и первые приятели на новом месте – Аверя и Аленка – пообещали помочь ему в этих делах. Только чисты ли их намерения? И какие страшные тайны скрываются за внешне безмятежным бытом незнакомого мира?

Глава 1.

Девочка на холме

Вечером через ту часть леса, где ни мужики не рубили сосен, ни дети не собирали малины, медленно пробиралась ватага людей. Все они были разного возраста – от безбородых юнцов до тех, кто годился им в отцы, на всех была напялена разная одежда – от белых крестьянских рубах до парчовых кафтанов боярской знати. Казалось, ничто и не связывало это сборище, кроме дороги, которую они прокладывали в нехоженных местах, да еще страха перед рослым человеком, шедшим во главе отряда. Он никогда не озирался и, похоже, не боялся ни дезертирства отстающих, ни удара в спину, которого, судя по злему выражению некоторых лиц, вполне можно было ожидать.

Тем временем заметно темнело, в воздухе появились комары, а где-то в отдалении завыл волк, будто жалуясь людям на тяготы жизни или призывая их вспомнить свои. Казалось, путники поняли зверя и прониклись его чувствами, потому что раздраженных взглядов становилось все больше и больше. До какого-то момента даже самые храбрые еще сдерживали языки, но потом началось глухое ворчание, а затем из задних рядов донесся одинокий голос:

– Когда привал, Федька?

Передний человек, к которому явно относились эти слова, даже и бровью не повел, и лишь тогда, когда другой человек повторил тот же вопрос, буркнул:

– А тебе какое дело? Знай шагай вперед!

– Это ночью? Тогда только сычи летают!

– Ноги ноют и кони устали!

– И брюхо сводит, а на ходу толком не поешь!

– Дело говорят, Федька, слушай!

Тот, кого называли Федькой, обернулся, и все разом умолкли. Выждав с полминуты, Федька произнес:

– Ишь расквакались, ровно лягушки! Через версту али две полянка будет, там заночуем!

Недовольство утихло, и все прибавили шагу, а некоторые принялись понукать пару лошадей, тащивших большую повозку, крытую холстиной. Федька не врал: вскоре ватага выбралась на ровное место, на котором виднелись лишь одинокие кусты да небольшой голый холмик, не то естественного происхождения, не то неизвестно чья забытая могила. Услышав журчание ручья, текшего неподалеку, более молодые и нетерпеливые кинулись пить и принести воды остальным; другие побежали за хворостом, и вскоре на поляне уже всюю полыхал костер. Люди расположились возле него; одни, едва откусив принесенного из повозки хлеба, тут же уснули; большинство жадно вонзали зубы в вяленое мясо и по

очереди пили пиво и мед из горла больших бутылей. Лошадей выпрягли, спутали им ноги, и они, не отходя от повозки, принялись щипать траву. Только Федька, казалось, не испытывал потребности ни в еде, ни в питье, будто бы голод и жажда так же мало брали его, как и усталость.

После ужина все легли, но сон ко многим не шел: беспокойство о прошлом и о будущем отгоняло его. Несколько человек, неосторожные в выпивке, принялись в десятый раз рассказывать товарищам историю своей нелегкой жизни; те лениво слушали. Тревоги добавляло еще и то, что никто, кроме самого Федьки, этих мест не знал. Солнце зашло, и тени от кустов стали принимать самые причудливые формы, будто бы руки каких-то неведомых существ тянулись к отдыхающим, не то гостеприимно приглашая задержаться подольше, не то угрожая неведомой и страшной расправой. Чтобы сбить гнетущее настроение, кто-то из тех, что лежали ближе к костру, произнес:

- Слышал я, в этих местах клад есть.

- Какой? - сразу откликнулись другие.

- А Бог его знает! В городе баяли - богатая сторона.

- Не всему верь. Добыча нынче малая.

- Вот и говорю - хорошо бы клад найти.

- Ага, найдешь, да не подступишься! У меня брательник из-за кладов этих землю грызет.

- Ну, я не таков.

- Дурак ты - умение надобно!

- Есть оно у меня - в столице говорил с кладоискателями.

- Вот отыщешь хоть один - и поверю в твое уменье.

- А я и покажу! Сломи-ка веточку - ты ближе к кусту.

– А цареву дань с клада думаешь ли платить, разбойник?

Последние слова, непонятно откуда донесшиеся, живо заставили вскочить всех, и, прежде всего – Федьку, который правой рукой схватился за саблю, а левой вытер пот, моментально выступивший на лбу и щеках. Овладев собой, Федька крикнул:

– Где тот, кто это сказал?

И тот же звонкий голос ответил:

– Недалече, атаман! На холм погляди!

Вскинув голову, Федька и вправду увидел на вершине холмика небольшую фигурку в длинном платье, которая при свете луны, казалось, выростала до размеров, какими народная фантазия наделяет небывалых витязей. Помотав всклокоченной головой, чтобы прогнать наваждение, атаман закричал снова:

– Кто ты такая?

– Тебе, душегубу, зачем это знать?

– Чего тебе надо?

– Лошадей у меня волки заели, – спокойно ответила незнакомка, вытянув руку. – Так что я твоих забираю. Добром отдашь или как?

Федька едва не задохнулся от ярости, но вовсе не из-за слов неизвестной ему собеседницы, а потому что разбойники сзади вовсю зашептались:

– У девки два пальца вперед выставлены!

– Клад взяла!

– Если она – государев человек, мы пропали!

– Не проиграй атаман в кости последние таланы, мы бы сейчас не стояли перед ней, как куры перед хорем!

– Молчать! – прошипел Федька, поглядев на ватагу. – Насыпайте порох, а я покамест ей зубы постараюсь заговорить! – Снова повернувшись к незнакомке, насмешливо смотревшей на него сверху вниз, он не спеша заговорил, из всех сил стараясь растянуть в улыбку свои толстые губы: – Послушай, зачем нам свару затевать? Я тебе зла не делал, и кобылы наши весьма худы. А мы в город идем. Айда с нами! Там в дворянских конюшнях стоят ладные лошадки, так забирай любую или двух на выбор... – Сообразив по шороху сзади, что все подготовлено, атаман крикнул: – Давай, ребята!

Два пистолета взмыли в воздух, еще мгновение – и их дула были направлены на незнакомку, но вместо оглушающих выстрелов послышался жалкий звук осечки, и тотчас же позади из кустов донеслось:

– Эй, разбойнички! Вы ведь из тех мест идете, где мор харкотный объявился. Хотите его получить?

Эти слова, непонятно кем сказанные, привели ватагу в ужас. Толкая, давя и топча друг друга, разбойники ринулись в направлении ручья, стремясь как можно скорее покинуть несчастливое место. Наперебой раздавались крики:

– Спасайтесь, братцы!

– С двумя не сладим!

– Пропади она пропадом, эта ночевка!

– Стой, проклятые! – орал Федька, тщетно пытаясь удержать товарищей или хотя бы привести в некоторый порядок их паническое бегство. – Уводите лошадей, берите обоз!

Трое разбойников его послушались и бросились к лошадям, но тут же из кустов, быстро и бесшумно, как заяц, выпрыгнул человек, протянул к разбойникам руку, и их сапоги заскользили по влажной траве. Вскочив, двое из них устремились наутек, третий отчаянно потянулся к бедру, где висела сабля. В руке

неизвестного, стоявшего между ним и повозкой, свернуло лезвие, и разбойник, так и не успевший выхватить оружие, с воем последовал за остальными. Стреноженные лошади, также испуганные, издавали отчаянные крики, гулким эхом отзывавшиеся в лесу. Человек, ранивший разбойника, подошел к ним и положил ладонь на шею сначала одной, потом другой, и животные затихли, словно признавая нового хозяина.

Издали донесся Федькин рев:

- Я до тебя еще доберусь, попомни, деваха!

Сразу же последовал веселый ответ:

- Смотри портки не потеряй, атаман!

После этого на поляне воцарилась тишина, прерываемая лишь потрескиванием сучьев в костре да еле слышной бранью убежавшей со всех ног ватаги.

Глава 2.

Разбойничья добыча

Девочка, потребовавшая от атамана коней, подошла к костру, который уже угасал, и бросила туда ветки, заранее заготовленные разбойниками. Пламя ярко вспыхнуло и осветило ее стройную фигурку, в которой уже начали проступать черты взрослой женщины, золотистые волосы, заплетенные сзади в косу, и смелый взгляд, который она устремила на мальчика, приблизившегося к ней и обтиравшего после недавней схватки клинок. Несколько секунд они смотрели друг на друга с той уверенной улыбкой, которая бывает только у близких людей после удачного завершения совместно реализуемого дела. Однако мальчик все же решил напустить на себя строгость и преувеличенно сердито произнес:

- Опять, Аленка, вперед лезешь!

– А, почему бы и не потешиться! – беззаботно ответила девочка.

– Боязно за тебя.

– Батюшка так же матушке говорил, помнишь?

Мальчик нахмурился:

– Не трожь родителей попусту.

– Потратился-то сильно?

– На осечку курков ушел один талан, на то, что заставил тех дураков упасть – половинка.

Девочка протянула руку. Лицо мальчика разгладилось, и он сказал примирительным тоном:

– Ладно, потом сочтемся! Стой здесь, я поклажу перенесу.

Он исчез в кустах; Аленка, снедаемая любопытством, вытащила из костра ветку подлиннее и сперва внимательно осмотрела лошадей, затем подошла к повозке. Она представляла собой низкую телегу, какой обычно пользуются крестьяне, только более узкую, что позволяло ей продвигаться в не слишком густом лесу. Плотная ткань, накинутая сверху и закрепленная по бокам, образовывала некое подобие палатки и служила вполне надежным укрытием от любой непогоды. Откинув ткань сзади и закусив нижнюю губу, Аленка залезла внутрь и принялась рассматривать взятую с бою добычу. В глаза бросился беспорядок, характерный для разбойничьих складов, а также полное отсутствие звонкой монеты. Помимо провизии и некоторого количества свечей, одну из которых девочка тотчас зажгла, в повозке были свалены незатейливые предметы обихода простых поселян, награбленные, видимо, в дороге за неимением лучшего. Совершенно не опасаясь внезапного возвращения разбойников, которые были слишком напуганы, Аленка добралась почти до конца телеги, когда услышала слева слабое дыхание. Повернувшись в направлении неожиданного звука, девочка резко выпрямилась от удивления, так, что ее голова уперлась в матерчатый потолок.

– Чего там? – спросил мальчик, беседовавший с Аленкой у костра. Он как раз вернулся, таща в каждой руке по плотно завязанному узлу.

– Иди-ка сюда, Аверя!

Мальчик вспрыгнул на повозку и, согнувшись, подошел к Аленке. Та приподняла свечу.

– Гляди!

Аверя тихонько присвистнул:

– Хлопец! Вроде бы одних с нами лет.

– Похоже, пленник: видишь, как спутан!

– И штаны снизу подрезаны. Отчего бы?

– Ради глума, видимо.

– Дело известное: разбойников хлебом не корми, а дай над живой душой поизмываться. То навоз заставят жрать, то над платьем чего-нибудь непотребное учинят.

– Дай ножик: я разрежу веревки.

– Сам разрежу.

Через малое время неизвестный мальчик был освобожден и от веревок, и от повязки, стягивавшей ему рот. Это манипуляции привели его в чувство; он оперся на локоть и немного привстал. Аверя приложил к его губам бутылку с квасом, как раз подвернувшуюся под руку; спасенный сделал два быстрых глотка, затем отодвинулся к краю и произнес:

– Где это я?

- Уже не у злодеев, - улыбнулась Аленка.

- А Пашка?

- Не ведаем, - пожала девочка плечами. - Ты один тут был.

- Чего Налим хотел от тебя? - спросил Аверя.

- Какой еще Налим? - растерянно промолвил незнакомец.

Аверя фыркнул:

- Да тебя что, на цепи в подвале держали, как вора перед пыткой? Федька Налим - самый лютый атаман: его имя младенцам ведомо, потому как матери им пугают, а ты...

- Полно, Аверя, - вступилась Аленка. - Парню оклематься нужно. Бог ведает, что ему пришлось перетерпеть у Федьки.

- Надобно осмотреть его да проверить, чист ли.

Аленка, опустившись на корточки, взяла руку неизвестного мальчугана, поджав на ней пальцы, кроме указательного и мизинца, которые выставила вперед. После этого она привела свою свободную руку в такое же положение и коснулась своими торчащими пальцами пальцев незнакомца. Он не противился этой процедуре и вел себя вполне безучастно, а с его лица не сходило выражение испуга пополам с любопытством, какое обычно бывает у пойманных зверьков. Аленка покачала головой и выпустила его руку, а затем начала расстегивать пуговицы на его рубашке, делая это несколько неловкими движениями, как будто ей почти никогда не приходилось этим заниматься. По телу мальчика никто бы не смог утверждать, что с ним жестоко обращались; тем не менее, в глазах бывшего пленника отразился такой ужас, словно он увидел страшные раны. Снова подняв взор и пристально посмотрев на Аверю и Аленку, он сказал:

- Ребята, чего вы так вырядились?

Аленка, которой почудилась насмешка в этих словах, произнесла с некоторой обидой:

- На себя бы глянул, чучело!

- Согласно повелению царя Дормидонта все государевы кладоискатели должны носить кафтаны или платья золотых цветов, смотря по мужскому или женскому полу. Чему дивишься? - произнес Аверя тем важным тоном, какой однажды слышал, будучи в приказе, от дьяка, вынужденного урезонивать чрезмерно назойливого просителя.

- Какого еще Дормидонта? Вы издеваетесь? - чуть не крикнул незнакомый мальчик.

- Он дурачок, - шепнула Аленка Авере.

- Да, - незамедлительно согласился тот и вновь обратился к незнакомцу: - Тебя как звать-то?

- Максим. Максим Перепелкин, - последовал тихий ответ.

- Я Аленка, а он - Аверя, мой брат. Мы близняшки, - вставила девочка.

- Обожди, - наставительно сказал Аверя. - Скажи, Максим: отец с матерью у тебя живы?

- Да.

- Где они?

- В Москве.

- Не слыхала о такой деревне. Должно быть, далече, - вымолвила Аленка. - Что теперь будем делать?

– Здесь его бросать нельзя: или зверье растерзает, или опять схватят лихие люди, – ответил Аверя. – Возьмем с собою: может, по пути и очухается. А нет – встретим доброго человека, которому нужен работник, да у него и оставим.

– А я, пожалуй, помолюсь за него, – добавила Аленка. – Давай, поехали: тут ночевать у меня нет охоты.

Аверя запряг лошадей, вскочил на одну из них, и телега тронулась с места. Аленка пристроилась внутри, вместе с Максимом; ей не дремалось, и, чтобы скоротать время и освободить как можно больше места, девочка начала наводить порядок в повозке, размещая вещи поближе к краям. Максим безучастно смотрел на нее; он пытался обдумать и оценить ситуацию, в которую попал.

«Что вообще произошло?.. Меня же не могли так быстро увезти в какую-то глухомань и выкинуть. Да и кому и зачем понадобилось это? Нет, мне все только мерещится. Предсмертный бред, я где-то читал, что подобное бывает. Но если так... я же прямо сейчас могу умереть! А если очнусь, то каким? Без рук и ног, переломанным, обожженным? – На глазах мальчика выступили слезы, и он машинально отвернулся. – Какой же я дурак! Стыжусь перед девчонкой, которая существует только в моем воображении! И что с Павликом? Его не спас и себя угробил. Папа, мама... простите...»

Неожиданно раздавшаяся привычная музыка, вскрик Аленки и толчок телеги заставили его приподняться.

Глава 3.

Поединок на равных

Максим увидел, что Аленка выпустила из рук что-то маленькое и темное, быстро выскочила из повозки и почти сразу же вернулась уже в сопровождении Авери, который, очевидно, остановил лошадей, едва услышав незнакомые звуки.

– Ребята, вы что... – вдруг смутившись, пробормотал Максим и схватил предмет, послуживший причиной беспокойства; через мгновение снова наступила тишина. Аверя и Аленка переглянулись; затем они подхватили Максима под руки и буквально выволокли его на свежий воздух.

– Это твоя вещь? – резко спросил Аверя.

– Смартфон-то? Да, мой, – чуть помедлив, ответил Максим, не ожидавший подобного напора.

– Откуда он у тебя?

– Отец подарил. Я думал, те уроды забрали или испортили.

– Кто он – твой отец?

– Полковник сухопутных войск.

– Полковник... – протянул Аверя.

– Слушай, – произнесла Аленка, – до второй смуты был ведь такой чин. А после Дормидонт упразднил его.

– Да я вам покажу, – сказал Максим. Он подумал, что девочка пытается его защитить, и немного осмелел. – Вот мы все втроем: я, папа и мама. Вот я с Пашкой. А вот вид из нашего окна.

Аверя и Аленка склонились над смартфоном. Каждую фотографию они разглядывали так внимательно, будто хотели впоследствии по памяти нарисовать ее точную копию, и под конец на их лицах появилось торжествующее выражение, словно была решена трудная задача, мучившая их продолжительное время. Аленка что-то прошептала на ухо Аверю; как Максим не напрягал слух, он не мог расслышать и полслова. Далее Аверя продолжил:

– Как ты сюда попал?

– Я не знаю.

- Что тебе здесь нужно?

- Ничего! - крикнул Максим. Им вдруг овладела злоба - не на Аверю, а на самого себя и на весь этот день, так странно и неудачно сложившийся. - Отец велел мне следить за Павликом, я потерял его, потом увидел, когда он переходил улицу, потом из-за угла выскочил этот проклятый автомобиль, я пытался спасти Пашку, затем раздался взрыв - я услышал громкий хлопок и полыхнуло желтым, тут же на меня навалились какие-то бугаи, а дальше...

- Успокойся, - сказала Аленка, шагнув к нему. - Не ты один такой.

- Правда? - Максим схватил девочку за плечи и выдохнул: - Ну, так скажи, если знаешь! Почему я здесь оказался? Почему остался жив? Говори, или...

- Что ты вцепился в нее, как волк в барана?

Сильный толчок кулака Авери заставил Максима потерять равновесие и плюхнуться в траву. Аверя встал над ним и жестко произнес:

- Вдругорядь тронешь Аленку - пожалеешь, что у Налима не остался! Когда мы были совсем младенцы - в седле не держались, матушка перед сном рассказывала о странных людях, некогда появлявшихся в нашей земле. Их отличали диковинные вещи и причудливые речи.

- Только никто из них не умел показать то царство, откуда пришел, а ты смог, - добавила Аленка.

- А что стало с теми людьми? Им удалось вернуться домой? - спросил Максим.

Аверя приподнял плечи.

- О том не выпытывай - сами не ведаем.

- А Павлик? Он погиб или где-то здесь?

– Послушай, – сказала Аленка, – в лесу тебе все равно никто ничего не ответит. Ты отправишься с нами. Наша дорога лежит в столицу, а мы – люди государевы, и потому имеем доступ в цареву книгохранилище. Там по записям о былых временах и тайнах чего-нибудь да разузнаем. И о твоём Павлике тоже. Если он попал сюда, то наверно не шатается по дорогам, а кем-то взят в услужение. А всю челядь для порядка переписывают. Только путь еще неблизкий.

– Что я за несчастный человек! – вырвалось у Максима.

– Несчастный? – переспросил Аверя. – Тебе смерть была суждена, притом сугубая: в своём царстве и здесь, от рук Налима. А ты избежал ее и ныне подле нас находишься, и ни о крове, ни о хлебе тебе заботы нет. Чем роптать, лучше бы возблагодарил Бога за спасение. Да и нас добрым словом не худо помянуть.

– Спасибо, – чуть покраснев, ответил Максим.

Аверя протянул руку, помогая Максиму встать; далее он снова двинулся к лошадям, а Максим и Аленка заняли свое прежнее место на телеге. Девочка еще некоторое время возилась с вещами, потом прикорнула в уголке.

«Придется довериться им... – Прежняя мысль о предсмертных видениях оставляла Максима, прежде всего потому, что она была слишком уж нестерпимой. Кроме того, мальчик подумал, что, будь его рассудок помрачен, само сомнение в реальности произошедших за последнее время событий не появилось бы. – В любом случае, бежать нет смысла. По крайней мере, они знают местность, а я нет. Да и ребята вроде бы неплохие. Держись, Пашка, если ты жив. Держись...»

Голова Максима отяжелела, и он сам не заметил, как уснул.

Когда он проснулся, то увидел сидевшего рядом и протиравшего глаза Аверю, который очевидно, ночью поменялся с Аленкой местами. Через минуту повозка остановилась; Аленка заглянула внутрь и весело произнесла:

– Привал! Коням нужен отдых!

Мальчики, еще позевывая, покинули повозку. Занимался рассвет; телега находилась на небольшой полянке; неподалеку в лесу вилась дорога, по которой, видимо, путешественники и ехали последние несколько часов. Увидев, что Аверя и Аленка собираются выгрузить часть вещей, Максим предложил свою помощь.

– Ну, давай, коли не шутишь, – отозвался Аверя. – Распряги-ка лошадей и стреножь.

Максим подступил к лошадям; растерянное выражение его лица не ускользнуло от внимания Аленки, которая помогла ему управиться с упряжью и разъяснила значение слова «стреножить». Со второй из поставленных Аверей задач ничего не вышло: Максим так неловко пытался схватить за ноги молодую пегую кобылку, что та фыркала, вздрагивала и, наконец, взбрыкнула, едва не лягнув Максима в лоб. Аленка, наблюдавшая за этой сценой, звонко рассмеялась; Аверя же присвистнул:

– Тю! Тебе что, с лошадью обращаться не приходилось?

– Нет их у нас, – с досадой ответил Максим.

– Вы все пешком ходите? И ваш царь тоже?

– У нас и царя нет.

– Смута, что ли?

– Просто у нас не царь, а президент.

– Президент – это человек, который вашей землей правит?

– Ну да.

– Значит, все равно царь, только вы его по-своему кличете.

– И пешком мы не ходим. У нас машины есть.

- А что это такое?

- Это... («Блин, как же ему объяснить!») В общем, такие повозки, где лошади не нужны; они сами везут, куда надо.

- А этой вашей самобеглой повозкой управлять умеешь?

Максиму очень хотелось соврать, но после недолгих раздумий он предпочел честно признаться:

- Нет.

- Почему не выучился?

- Мал еще...

- Скажешь тоже - мал! - снова засмеялась Аленка. - Меня один парень твоих лет из столицы уже звал в жены. Ты что же, в своем царстве бездельничал?

- Почему бездельничал? Я учился.

- Чему? - спросил Аверя.

Максим добросовестно перечислил предметы, которые ему преподавали в школе.

- Биология, физика, химия... - Аверя, поморщившись, старательно повторял незнакомые слова. - Пустельга ты, вот кто!

- Это почему?

- А пословицу знаешь?

- Какую?

– О двух зайцах! А ты за десятью гонялся. Поди, ни в одном из этих дел толком не успевал.

Максим заметно смутился: действительно, особыми успехами в учебе он не мог похвалиться. Он собирался сказать, что в их классе были и отличники, но сообразил, что так еще больше уронит себя в глазах новых друзей.

– Не обижайся на Аверю – он правду говорит, – промолвила Аленка. – Вот мы с ним всегда знали, что клады будем добывать по примеру родителей.

– А где ваши родители? – поинтересовался Максим.

– Нет их – погибли, когда пытались взять крепко заговоренный клад, – грустно ответила девочка. – По их стопам идти – то единственное, что мы можем ныне для них сделать. Когда батюшки с матушкой не стало, нас старец Евфимий наставлял – сам бывший кладоискатель, да мы опосля сбежали от него – так дела настоящего хотелось.

– Да, Максим, не дивлюсь, что отцов наказ тобой не выполнен, – подвел итог Аверя. – Квел ты духом. Да и телом не шибко вышел: легонько тебя давеча задел – ты и повалился.

– Второй раз не повалишь – не выйдет! – вскинулся Максим.

Аверя прищурился:

– Биться со мной хочешь?

– А давай!

– Гляди, пощады будешь просить!

– Это еще кто у кого запросит!

– Славно, – Аверя обвел глазами полянку. – Значит, так: в чащу не забегать и биться до первой крови или лежки – не дальше.

– Согласен!

– Чур, Аленка, не подыгрывать!

Аверя скинул золотой кафтан, оставшись в исподней рубахе. Противники встали в середину полянки и приняли боевую стойку. Аленка, заворожено следившая за ними, воскликнула:

– Начали!

Привыкший не медлить при решении каких-либо проблем, Аверя стремительно атаковал Максима, и тот поначалу пропустил несколько неприятных ударов. Это, однако, пошло Максиму на пользу, поскольку боль заставила его забыть о своих злоключениях и организовать отпор, которого явно не предвидел Аверя. Максим начал успешно уклоняться от его выпадов или блокировать их, после чего, совсем успокоившись, сам перешел в наступление и вскоре с огромным удовлетворением заметил замешательство на лице соперника.

«Что, не ожидал? – подумалось Максиму. – Это я еще, дурак, бросил секцию бокса, куда меня записал отец, а то бы я тебя вообще под орех разделал. Ну, ничего, парочку приемов я помню и смогу еще тебя удивить!»

Под натиском Максима Аверя медленно отступал к деревьям. Он попытался быстрым движением обойти противника и вновь проскочить в центр импровизированной арены, но прозевал при этом боковой удар, после которого еле устоял на ногах. Далее Авере оставалось уже только пятиться.

«Плохо дело, – думал он. – Не надо было его задирать. Если буду побит – стыд нестерпимый... – Мизинец на руке Авери непроизвольно оттопырился. – Нет. Нельзя использовать силу клада: это бесчестно. Победить нужно по-иному. Я хочу победить...»

Аверя уже почти вплотную стоял к шершавому стволу березы, а его макушки коснулась нижняя ветка.

«Припечатаю его, и дело с концом», – подумал Максим.

На лице Авери появилась обреченность, и он опустил руки.

«Вот он – мой шанс, – решил Максим. – Получи!»

Далеко отведя руку, Максим стремительно выбросил ее вперед, целясь прямо в нос Авере, но тут произошло неожиданное. В самый последний момент Аверя резко подался в сторону, кулак Максима лишь слегка задел его скулу и врезался в ствол с такой силой, что едва не ободрал кору. Из пальцев хлынула кровь.

– Моя взяла! – торжествующе крикнул Аверя.

– Да! – отозвалась Аленка с другого конца поляны.

– Эй, чего ты? – запротестовал Максим. – Давай, становись, бой не кончен!

– Забыл уговор наш о первой крови? – усмехнулся Аверя.

– Тьфу ты! – пробормотал Максим, с досадой дуя на расквашенные пальцы. – Ладно, мы еще поборемся! В другой раз я тебя одолею!

– Это уж какая доля кому выпадет! – отозвался Аверя. – Но, что бы там ни было, прости мне давешние слова. Дрался ты здорово.

– Пойдем. Тебе надо подорожник приложить, – сказала Аленка.

– Да ну! – отмахнулся Максим.

– Пошли, пошли!

Она мягко и настойчиво увлекла его за собой в повозку, где принялась обрабатывать рану. Наложив последний листок, Аленка вдруг обернулась.

– Кто-то скачет сюда. – Она шагнула к выходу. Максим потянулся было за ней; девочка остановила его.

– Сиди здесь!

- А вдруг там разбойники?

- Мы с ними управимся! А ты с разбитым кулаком все равно не воин.

Высунув голову, Аленка увидела, что перед Аверей осадил коня человек в красном кафтане – обычной одежде царских рассыльных.

- Кладоискатель Аверька? – осведомился всадник.

Он мог бы и не спрашивать, так как запомнил Аверю еще в столице, где некогда завязалось их знакомство, пусть и не слишком тесное. Аверя небрежно кивнул.

Всадник развернул перед ним бумажный столбец.

- Чти государев указ!

Чтение не отняло много времени, поскольку указ не был длинным, а грамоту Аверя знал хорошо. Далее рассыльный поворотил коня к дороге, и через минуту стука его копыт уже нельзя было расслышать.

Аверя стиснул кулаки, словно вновь собрался драться.

- Проклятие!

- Что случилось? – подойдя к нему, обеспокоенно спросила сестра.

- Царю Дормидонту стало хуже, и повелено, чтобы все кладоискатели доставили в казну пятьдесят таланов сверх того, что условлено прежде, – с отчаянием произнес Аверя. – До того в столице лучше не появляться, а в книгохранилище и подавно доступа нет!

- Пятьдесят? – не поверила поначалу Аленка.

- Да!

– Побор!

Они замолчали. Аленка первой пришла в себя.

– Не горюй, Аверя! Сыщем! Родители и не то переносили!

– Да, – согласился Аверя, которому, казалось, одно упоминание о родителях моментально вернуло бодрость. – Ради них и приложим усердие! Лошади отдохнули, а нам сейчас некогда. В путь!

Глава 4.

Долгий день

«А сейчас, уважаемые телезрители, мы возвращаемся к главной теме последних двадцати четырех часов – теракту в Москве. Согласно последним оперативным данным, организаторы теракта задержаны и сейчас дают первые показания. Полученная информация позволила подтвердить первоначальную версию произошедшего, а именно: теракт спланирован и осуществлен запрещенной в России и ряде других стран группировкой ИГИЛ. Напоминаем, что взрывное устройство было заложено в автомобиль и приведено в действие вчера в семнадцать ноль ноль в Сокольническом районе столицы. Исполнителем теракта был террорист-смертник; жертвами стали двое подростков, имена которых в интересах следствия пока не разглашаются».

– Максим, вставай!

Добрый и вместе с тем требовательный голос прервал последний утренний сон. Максим недовольно натянул одеяло на голову, но он понимал: через минуту встать все равно придется. Все-таки расти в семье военных не всегда удобно. Да, можно похвалиться перед ребятами в школе, что твой отец служил в горячих точках и может считаться даже героем, можно запросто общаться с участником боевых операций в Сирии, рассказ которого не заменит ни один журналистский

репортаж, но если уж человек привык к строгому порядку на работе, он обязательно постарается установить хотя бы его подобие и в собственной семье.

Позевывая, Максим уселся на кровати.

- Что с папой?

- Все нормально.

- По-моему, он плохо спал ночь. Это из-за раны?

Мать вздохнула.

- Просто он никак не привыкнет к своей отставке.

- А что с Суворовским училищем? Он ведь собирался там преподавать.

- Пока нет вакансий. Ну, одевайся, уже пора.

Долго ждать себя Максим не заставил. Умывшись, он вместе с матерью присоединился к отцу. Завтрак уже стоял на столе.

- Звонили Кетовы, сказали, что задержатся, - промолвил Перепелкин-старший.

- Ну вот! - недовольно протянул Максим, принимаясь за еду.

Начало знакомству Перепелкиных и Кетовых было положено еще в госпитале под Алеппо, где отец Максима лежал после отражения внезапной атаки на свою часть и где Даниил Кетов, будучи врачом, оказывал раненым необходимую помощь. Завязавшаяся дружба не прекратилась и после того, как оба они вернулись в Россию - полковник Перепелкин в Москву, а Кетов - в поселок на границе Московской и Тульской областей, к жене Софье и сыну Павлику. Еще до встречи с этой семьей Максим неоднократно слышал о ней от отца, а его рассказы основывались на том, что поведал о своей жизни сам Даниил Кетов. О своем раннем детстве, он, впрочем, рассказывал мало, видимо, не желая будить неприятные воспоминания. Родителей своих Даниил не помнил, вероятно, был брошен ими, и с пяти лет воспитывался в приюте, где и встретил девочку, на

которой впоследствии женился, сделав это так рано, как только позволяло российское законодательство. Саму свою фамилию Кетовы взяли в честь одной из воспитательниц, которая была добра к ним. Молодые супруги очень хотели сына и были бесконечно счастливы, когда на свет появился Павлик. Ранее он уже приезжал в Москву с семьей и быстро нашел общий язык с Максимом, быстрее даже, чем это сделали их отцы. Потом ребята регулярно переписывались, и симпатия Максима к Павлику только крепла; ему не очень нравилось лишь то, что Павлик, будучи на три года младше, совершенно не желал предоставлять Максиму роль лидера и постоянно норовил держаться на равных. Впрочем, переносить это было не трудно: в Павлике угадывалась сильная воля и большая начитанность, что располагало к уважению. Следует, однако, отметить, что при всех благоприятных задатках Павлик вовсе не был прилежным учеником, и казалось, школа тяготила его, будто он ее уже перерос. Супруги Кетовы, безмерно любящие сына, прощали ему это.

- Не огорчайся, - сказала мать. - Они ведь приезжают на целых две недели.

- Хорошо говорить! - проворчал Максим. - Этот день, во всяком случае, я могу провести с Пашкой: он сам писал, что родители согласны его отпустить. А потом они, чего доброго, потянут его в бутик - мерить плавки или что-нибудь еще. Да и дожди передают - особо не погуляешь.

- Максим!..

- Да, папа?

- Послушай. - Голос полковника вдруг стал серьезным. - Раз родители Павлика доверили его тебе, ты должен проследить, чтобы с ним все было в порядке. Да и ты старше Павлика, а он - твой гость...

- Папа, ты вообще о чем? - Максим недоуменно посмотрел на отца. - Пашка - не малыш, он вполне самостоятельный парень. Что с ним здесь может приключиться?

- Возможно, ты и прав, но... - Отец замялся. - Я просто хотел, чтобы ты не повторял моих ошибок. Не совершай поступков, за которые долго еще придется упрекать себя.

Максим понял, что имел в виду отец: в Чечне, еще будучи лейтенантом, он допустил гибель взвода под Шелковской, и по этому поводу было возбуждено дело, впоследствии, правда, прекращенное. Тем не менее, память об этом случае бередила совесть бравого полковника, и если раньше тяготы службы не оставляли места бесполезным сожалениям, то теперь вынужденное безделье пробудило их с новой силой.

Мать тоже догадалась и спросила с упреком:

- Ну почему ты так цепляешься за прошлое?

- Почему? - Отец горько усмехнулся. - Раны болят к непогоде; знать бы еще, к чему ноет душа. Сам бы сходил с пацанами, да только... - Он невольно перевел глаза на прислоненную к стулу клюку, без которой уже не мог передвигаться.

- Хорошо, папа, - решил прервать не слишком приятный разговор Максим, которому почему-то стало немного стыдно, словно он был причастен к отцовским неприятностям. - Я прослежу за Павликом, а если понадобится - смогу его защитить.

Это обещание, а также скорый приезд Кетовых, казалось, помогли Перепелкину-старшему отвлечься от тягостных мыслей. Даниил Кетов с семьей опоздал не намного: после завтрака Максим не успел даже изучить игру, которую скачал прошлым вечером. Сама встреча добрых друзей не стоит того, чтобы на ней останавливаться: всякий на основании собственного опыта может верно представить и ее, и радость товарищей после разлуки, и их несколько сумбурный, но не менее милый для обоих разговор. Надлежит лишь упомянуть, что Кетовы не могли остаться надолго: они должны были осмотреть съемную квартиру, по их словам, недорогую. Прощаясь с отцом и матерью, Павлик буквально бросился им на шею; такое поведение, более свойственное дошкольникам, несколько удивило Максима, но он подумал, что у каждой семьи свои традиции и причуды. Почти сразу же Павлик предложил отправиться куда-нибудь, хотя бы в парк развлечений; это вполне совпадало и с желаниями Максима, поэтому он охотно откликнулся на приглашение. «Попасть к вам - все равно что в другой мир» - заметил Павлик; Максим слегка улыбнулся, снисходительно оценив непосредственность друга.

До парка мальчики добрались без приключений и задержек. К удивлению Максима, Павлик избегал тира и конных прогулок, где мог показать себя во всей красе: он великолепно стрелял из пневматической винтовки и еще лучше ездил верхом; случалось, что даже пытался отогнать инструктора, держащего лошадь под уздцы. Зато другие увеселения Павлик, казалось, хотел испробовать все, в том числе те, из которых вроде бы уже вырос. При этом он исправно оплачивал каждый билет, даже если на определенный аттракцион его тащил сам Максим, и не позволял другу рассчитаться в кассе. Максим никогда не имел при себе столько денег, сколько видел теперь в руках Павлика.

– А твои родители расщедрились, – заметил он, когда мальчики присели отдохнуть после особо крутой американской горки, на которую, откровенно говоря, Максиму вовсе не хотелось идти; он лишь боялся показаться трусом в глазах младшего товарища.

– Им для меня ничего не жалко, – горячо и просто ответил Павлик. – Они лучше всех!

Максим тихонько толкнул друга под бок.

– Ну, конечно! Я о своих так же думаю.

– Ты ничего не знаешь, – покачал головой Павлик. – Мои папа и мама – особенные. Таких, как они, во всем этом мире больше нет.

Разумеется, Максим не стал спорить: чувства Павлика он понимал прекрасно. Кроме того, им овладело то особое состояние, когда не хочется ничего говорить, ни о чем думать, и даже близких друзей поневоле перестаешь замечать. Оставалось лишь желание наслаждаться этим теплым воздухом, этой заводной музыкой из динамика, самой толпой отдыхающих, с каждым из которых можно обменяться гордой счастливой улыбкой. Смутное ощущение возможной опасности, еще державшееся с полчаса после беседы с отцом, бесповоротно исчезло. И то сказать: какие могут быть заботы, когда тебе всего пятнадцать лет, дома тебя ждет любящая семья, каникулы кажутся бесконечными, а все пресловутые противоречия человеческой жизни – вздорными измышлениями ворчливых стариков?

Кончилось тем, что Максим потерял Павлика. Он не мог точно вспомнить, где видел его в последний раз: то ли в лабиринте страха, куда вход был бесплатным, то ли уже в толпе на выходе. Это совсем не беспокоило Максима: ребята предусмотрели такую возможность, и Максим направился в кафе, где он и Павлик договаривались ждать друг друга в случае надобности. Взяв для приличия гамбургер и стакан сока, Максим уселся за ближайший столик; к сколь бы то ни было длительному ожиданию он себя совершенно не готовил и поначалу вполне равнодушно пялился в окно или лениво разглядывал интерьер помещения. Время, однако, шло, а Павлик не появлялся. Официантки уже начали с любопытством поглядывать на мальчугана, который больше ничего не заказывал и только зря занимал место, а какой-то потрепанный жизнью человек отпустил крепкое словечко по адресу «проклятых баб», не уважающих «нормальных пацанов» и вечно опаздывающих на свидания. Максим начинал нервничать; он попытался набрать Павлика; автоответчик бесстрастно сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

«Чтоб тебя, Пашка! – в сердцах подумал Максим. – Ты специально решил меня позлить?»

Спустя еще некоторое время Максим решил найти Павлика, но для этого требовалось сообразить, где он мог задержаться. Пытаясь решить эту задачу, Максим подумал о разговоре, который вел с Павликом по скайпу два дня тому назад. Тогда Павлик утверждал, что есть люди, способные каким-то сверхъестественным образом притягивать к себе везение, и дальше разговор плавно свернул на тему азартных игр и тотализатора. Об этих вещах Павлик рассуждал с таким увлечением, что Максиму померещился не совсем здоровый интерес с его стороны. Также Максим вспомнил, что напротив второго, бокового входа в парк есть указатель на бар «Золотой фазан»; о нем ходили упорные слухи, что под видом торговли напитками там устроили подпольное казино, которое никак не удавалось прикрыть по причине ловкости и связей владельцев и где не отказывали даже малолеткам. Зная, что у Павлика много денег и что он может увлечься, Максим решил, что, пожалуй, напал на верный след. Он показал официанткам фото своего друга на тот случай, если все же разминется с Павликом, сказал, чтобы «этого мальчика» попросили ответить на пропущенный вызов, и поспешил к боковому входу.

Дежуривший там полицейский, немного помедлив, подтвердил, что мальчуган, похожий на Павлика, действительно покинул парк и затем как будто двинулся в сторону бара, находившегося на другой стороне улицы. Это укрепило

уверенность Максима. Он пустился бегом по тротуару и вскоре к своей радости увидел Павлика, который начал медленным шагом пересекать улицу по не снабженному светофором пешеходному переходу, впрочем, не по тому, который непосредственно соседствовал с сомнительным заведением, а по другому, чуть подальше. Голова Павлика была опущена, а на лице грусть сочеталась с какой-то дерзкой решимостью; вообще он в эту минуту, несмотря на малый рост, больше напоминал взрослого мужчину. Максим окликнул товарища; Павлик не отреагировал – он, очевидно, ничего не слышал. Максим добежал до того места, откуда Павлик начал свое движение через дорогу, когда большой черный автомобиль, внезапно вынырнувший из-за угла, привлек его внимание. Машина ехала по осевой; кроме того, водитель явно видел человека на переходе посреди улицы, но отнюдь не собирался тормозить.

– Пашка, отойди! – крикнул Максим.

На сей раз Павлик расслышал обращенные к нему слова; он повернул голову к Максиму и при повороте не мог не заметить приближающийся автомобиль, но не сделал ни малейшей попытки хоть немного посторониться. Своей оцепенелостью он был подобен восковой фигуре, вроде тех, на которых ребята глазели сегодня в парке.

«Он в ступоре!» – подумалось Максиму.

Автомобиль был от Павлика уже не далее чем в пятидесяти метрах.

Максим рванул через дорогу.

«Я еще успею его оттолкнуть! Успею. Успею...»

Во взгляде Павлика отразился ужас; левую руку он вытянул по направлению к Максиму, а правую резким движением отбросил в сторону, точно хотел указать другу на что-то невидимое для него. Максим почувствовал, как его ладонь ткнулась в острое плечо Павлика, как все – дома, небо, немногие случайные очевидцы происходящего – переворачивается перед глазами и как они оба падают прямо под колеса шальной машины.

Через мгновение она взлетела на воздух.

«Тогда для меня шли незаметно все девять часов, даже когда я напрасно прождал Павлика в кафе. Но теперь тот день кажется более долгим, чем двое суток, которые миновали с того момента, как мы встретили царского гонца. Что со мной случилось – для Авери и Аленки такая же загадка, как и для меня: по их словам, никто из людей, попадавших в их мир, предварительно в своем не погибал. Буду верить, что с Павликом все нормально. Папа, я вернусь к тебе вместе с ним...»

– Максим, вставай!

Глава 5.

Сила клада

Максим, едва не задремавший, открыл глаза. В лицо ему ударил яркий свет, поскольку солнце стояло высоко, а ткань, прежде служившая укрытием, теперь была аккуратно свернута.

– Уже нашли?

– Как я погляжу, свербит у тебя! – ухмыльнулся Аверя. – Лошадям надо помочь: колесо попало в яму.

Мальчики соскочили с повозки и приналегли на нее сзади. Менее чем через полминуты досадная помеха была устранена. Максим снова запрыгнул на телегу, Аверя же занял место в седле и крикнул, обернувшись через плечо:

– Слушай, отгони еще слепней от Аленки, а то эти гады ее досуха высосут!

Аленка и впрямь не обращала никакого внимания на докучливых насекомых: она сидела ближе к дышлу, скрестив ноги и уставившись на расщепленную веточку, которую держала в руках. Ее серьезный вид заставил Максима вспомнить

некоторых девочек-зубрилок из своего класса, когда на контрольной попадалась особенно трудная задача.

Максим придвинулся к Авере:

- Откуда ты знаешь, что клады где-то здесь?

- Карта этих мест не поновлялась уже с полгода - что-нибудь да должно накопиться.

- А как мы его найдем?

- Уж Аленка не проворонит: не бойся!

- Так скажи ей, чтобы уже искала!

- А она, по-твоему, что делает?

Максим пожал плечами:

- В сущности, ничего. Пялится куда-то...

- Не пялится она, а ждет!

- Чего?

- Коли здесь есть клад, ветка, что она держит, дернется в сторону, где он схоронен.

- Смеешься? - с недоверием спросил Максим.

- Может, в твоём царстве и принято смеяться, когда исполняешь повеление государя. А у нас по-иному заведено.

- Смотри, проверю. - Максим на ходу срезал молодой побег, расщепил его и примостился возле Аленки, попытавшись максимально точно скопировать ее

позу. Аверя улыбнулся:

- Всуе трудишься.

- Почему?

- Вот скажи: ты плотничать умеешь?

- При чем тут это?

- Умеешь или нет?

- Нет.

- И я не умею. А сруб видал?

- Видал.

- Я тоже. А теперь покумекай: если б нам с тобою топоры дали, вышла бы у нас баня или изба?

Максим не ответил.

- Молчишь? То-то. Когда клад близок, пальцы начинают подрагивать, если не напрягать их. Вроде как у выпивохи, но там сильно, а здесь потихонечку. Потому и пользуются веткой, что за ней удобнее следить. Только ее надо держать легонько, а не так, как ты сейчас. И хранить спокойствие, иначе ничего не выгорит. Еще и не каждому человеку от рождения дано находить клады. Нам посчастливилось: мы все-таки из рода кладоискателей. Особенно Аленке - она чувствует клады даже лучше, чем я. Девочек вообще неохотно берут на государеву службу, но Аленка показала такое радение и способности, что ее все же привели к присяге.

- Хлопцы, налево! - слышался возглас Аленки.

- Видал? - важно спросил Аверя, поворачивая лошадей.

Ехать друзьям пришлось недолго. Минут через пять Аленка резко выпрямилась, выпустив из рук веточку, а остановившиеся лошади начали тревожно храпеть.

– Что с ними? – спросил Максим.

– Смерть чувят, – спокойно ответил Аверя.

– Какую еще смерть?

– А вон там кости, видишь?

Максим вгляделся и едва не вскрикнул: между деревьев белел человеческий череп. Ребята спрыгнули на землю; Аверя и Аленка подошли к мертвецу; Максим, чуть помедлив, присоединился к ним.

Аленка склонилась над останками.

– Его порешил не зверь и не человек, – авторитетно заявила она. – Должно быть, клад пытался взять без навыка или просто ненароком тут оказался.

– Значит, здесь. – Ребята отступили к повозке, и Аверя выставил указательный палец и мизинец на правой руке. Аленка мягко схватила брата за запястье:

– Дай мне довершить дело.

– Не все ли равно, кому из нас стараться?

– Ну, Аверя! – жалобно протянула девочка. – Ты и так открывал почти все наши клады. Себе самое вкусное оставляешь. А мне тоже хочется!

– Раз хочется, валяй, – снисходительно уступил Аверя.

Обрадованная Аленка сложила пальцы так же, как это пытался сделать Аверя, присела, прижала руку к колючей лесной подстилке и замерла с выражением веселого азарта на лице. Максим покосился на нее и шепотом спросил:

- Что она теперь хочет сделать?

- Клады сокрыты глубоко, - отвечал Аверя. - Порою они и сами могут подниматься, да редко, и не угадать того времени. Поэтому Аленка, по обыкновению кладоискателей, сбрасывает в землю талан, и он вытянет клад наружу. Да вон, уж каша заварилась!

Сначала Максим не понял, о чем говорит Аверя, но, присмотревшись, заметил впереди дрожание воздуха, хотя день не был знойным. Мало-помалу оно усиливалось; труп неизвестного человека и трава вокруг него все явственнее утрачивали четкость своих контуров, будто их окутывала какая-то желтоватая дымка, состоящая из струй, которые поднимались от земли. Эти струи совсем не походили на обычные испарения: благодаря своим причудливым извивам они напоминали скорее живых существ, стебли лазающих растений, еще не нашедших опоры. Число странных объектов увеличивалось, так что теперь они образовывали уже практически сплошную стену; они тянулись вверх и начинали приобретать металлический блеск, словно листовое золото. Изменялась и сама их форма. В нижней части появились многочисленные завихрения, похожие на глаголические письмена, которые Максим случайно видел в какой-то телепередаче; верхняя же трансформировалась в нечто омерзительное, то, что не могло пригрезиться человеку иначе как в пьяном бреду. Казалось, какие-то чудовища тянут к ребятам лапы и ждут только сигнала для решающей атаки, точно звери, в остервенении бросающиеся на решетку, которую они не в состоянии преодолеть.

- Что это? - в страхе спросил Максим.

- Лешие, - ответил Аверя, который даже бровью не повел, глядя на этих страшилищ.

- Какие такие лешие?

- Всякий клад своей силой порождает собственных стражей, и если он в лесу, мы их лешими кличем, если под водой - водяными, а на болоте - кикиморами. Имена те от стародавних времен уцелели, когда люди несведущими были в кладоискательстве и не знали, что суть у всех этих тварей одна. Будь хоть каким богатырем человек, а посягнет на клад без умения, так они его убьют до смерти. Им это сделать - что нам с тобою орех раскусить.

- Так погибли ваши родители?

Аверя угрюмо промолчал, и Максим понял, что зря задал этот вопрос. По счастью, тут раздался возглас Аленки:

- Аверя, на кладе заклятие!

- Ну, так разузнай, какое, и сними, - буркнул Аверя.

- Не могу. Вон тот знак запомнила! - Аленка указала пальцем на крайнее левое завихрение. - А свиток в твоей котомке.

- Зря хорохоришься, выходит!

- Ну, Аверя, подсоби!

- Что значит «заклятие»?

- Это значит, что прежний хозяин совершил некое действие, когда помещал сюда клад, и, чтобы его брать, надо выполнить то же действие или похожее. - Аверя в задумчивости сощурился; похоже, эту причудливую азбуку и он не всегда помнил назубок, но почти сразу на лице мальчика расплылась широкая улыбка. - На свиток, это занятно!

Аленка ловко схватила брошенную ей бумагу, развернула ее, быстро нашла нужное место и рассмеялась:

- Повезло же нам!

- В чем, ребята? - не понял Максим.

- Кто хочет завладеть кладом, пусть насквозь землю пронзит! Вот слова старого владельца.

- Это вы называете «повезло»? И как собрались такое выполнять?

– Никак. То уловка для несмышленишей, и ничего более. Ведь для наказания лешим он явно не творил того, что от нас ныне требует, а содеял иное. – Аверя достал колышек, служивший для установления палатки, и одним резким движением вогнал его в песчаную лесную почву.

Аленка выбросила вперед правую руку, на которой вновь поджала три пальца:

– Ну-ка к ноге, песики!

Фантасмагория моментально исчезла, будто кто-то невидимый щелкнул выключателем, и теперь о ней напоминали только редкие крики встревоженных птиц. Аленка не двинулась с места; она лишь переменяла руку, которую держала на весу, а освободившейся правой достала из кармашка платья какой-то круглый блестящий предмет с нанесенной на него изящной чеканкой. Максим невольно потянулся к нему, поскольку незнакомая вещь чем-то напоминала отцовскую медаль.

Аверя нахмурился:

– Не замай! То наша именная печать, Аленка ею заклиняет клад накрепко: охотников до чужого добра, особенно царского, завсегда пруд пруди.

– Очень надо! – хмыкнул Максим. – Я и не собирался ее трогать.

– Ну и стой смирно. И вообще лучше молчание храни, не мешай Аленке.

– Да она, по-моему, так сосредоточена, что хоть благим матом ори – не пошевелится.

– Ты еще подери глотку, дубина стоеросовая! Сорвешь голос – и все наши труды насмарку.

Сердитый тон Авери заставил Максима растеряться:

– При чем тут мой голос?

– Всякий взятый клад первое время непременно расслаблен, сиречь сила его вовнутрь обращена. Его можно дробить, передать кому или сбросить в иное место, только ни нам, ни государю корысти в том нет. Аленка держит клад и дает ему укрепиться, но пока он податлив на любое нарушение чинного хода вещей подле себя. Покамest сей ход мы нарушаем нарочно, печатью, и потому это делается заклЯтием. Но если другое перебьет внимание клада, станет заклЯтием как раз оно, и пока вдругорядь не свершится, дело до конца не довести. Нам сказывали родители: некогда они брали клад в грозу и уже печать приготовили, да тут прямо над головою сверкнула молния, и клад оказался заклЯт на нее. Так он и остался расслабленным, пропал без толку, как подмоченный порох.

– Для царя, может, и без толку, а нам с тобою польза была, и немалая, – откликнулась Аленка. – Или забыл, на ошметках какого клада мы с тобой первую науку проходили?

– Ага, помню, как ты вместо него гнездо осиное нашла и заревела!

– Зато позже, как справилась, батюшка мне шелковый платочек подарил!

Яркая вспышка, последовавшая почти сразу за этими словами, заставила Максима на мгновение зажмуриться. Аленка весело вскинула кулачки:

– Все! Все!

– Велик ли клад? – деловито осведомился Аверя.

– Восемь таланов!

– Черт, мало!

– Не хули судьбу: потом найдем и больше. А сей клад на карту надобно нанести.

– Успеется. Что же до карты... согласно ей нам далее придется ехать через людные места и (тут Аверя перевел взор на Максима) нужно тебя приодеть. Не будешь же ты прятаться все время в повозке, точно нетопырь в дупле.

– А зачем мне прятаться?

– Своими портами нас осрамишь!

– Обычные шорты...

– У вас они обычные. То не довод!

– Тут в семи верстах село, – встряла в разговор Аленка, – и ныне там подторжье перед ярмаркой. Оттуда я тебе и привезу обнову. Стой, не шевелись! – Девочка быстро измерила пядями требуемую длину штанин, рукавов и окружность в поясе.

– Ребята, неудобно как-то, что вам придется тратиться...

– Отговорок ищешь? – лукаво произнесла Аленка. – Так мы тебя в парчу и не будем рядить. А свои люди всегда сочтутся.

«Они и правда для меня уже свои, хоть я их всего-то три дня знаю», – подумалось Максиму.

– А у меня для тебя еще кое-что есть, – продолжила Аленка. – Сделай-ка распальцовку: ты небось следил за мною и не ошибешься. – Она коснулась своей рукой руки Максима. – Вот так: мизинец к мизинцу, указательный к указательному. Теперь у тебя есть три талана от сегодняшнего клада. Располагай ими по своему усмотрению, назад не попрошу. Только на пустяки не трать!

Аленка выпрягла одну из лошадей, вскочила в седло, ударила лошадь по бокам пятками и умчалась. Максим некоторое время смотрел ей вслед, затем поглядел на свою руку и растопырил на ней пальцы:

– Ну, и что мне делать с таким подарком?

– Сказано же: что хочешь, – отозвался Аверя. Он откинулся на мягкий мох и лениво наблюдал, как совсем успокоившиеся птицы беззаботно перепархивают в кроне деревьев. – Видишь ту птаху, с красной грудью?

- Ну да.

- Она держится высоко. Как думаешь, на какую ветку сядет: самую верхнюю или другую, что чуть пониже?

- Откуда же мне знать?

- Хочешь, я, пользуясь силой клада, ей велю, чтобы она выбрала верхнюю?

- Думаешь, она тебя послушается?

Аверя, не ответив, вытянул руку с распальцовкой; Максим, не сводивший глаз с птицы, увидел, что, взлетев, она действительно опустилась на верхнюю из веток.

- Да ну, ты просто угадал!

- Испробуй сам, коли не веришь.

Максим воспроизвел уже неоднократно виденный жест и еще с некоторым сомнением послал птице мысленный приказ - перепрыгнуть на ветку пониже. Птица незамедлительно повиновалась, и Максим тотчас испытал странное чувство, будто бы Аленка передала ему не три талана, а меньше. Далее птица вернулась обратно, а потом перелетела на соседнее дерево, но до этого резко спикировала вниз, едва не зацепив ребятам крылом.

- Здорово! - прошептал Максим, убедившись, что все его команды исполняются. - Как компьютерная игра!

- Какая игра? - переспросил Аверя, взвешивающий на забавы друга с тем снисходительным выражением на лице, с каким взрослые иногда смотрят на детей, возящихся в песочнице. - Ты гляди, не очень-то разбрасывайся словечками из твоего царства, а то не за умного сойдешь, а за дурака! - Внезапно он вскочил и, смахнув с волос беловатую массу, крикнул: - Знаешь, за такие вещи бьют!

– Это не я! – растерянно запротестовал Максим. – Это она сама!

– Сама! – передразнил Аверя. – Скажи спасибо, что у тебя еще кулак не зажил, и мне тебя проучить зазорно! И хватит уже расточать силу, что мы тебе отвалили от наших щедрот: может, ею когда придется защищаться.

– А что стало с тем, что я уже израсходовал?

– Верно, ушло в землю где-нибудь самостоятельным кладом. Тогда он, скорее всего, не залят, если только здесь что-нибудь не запомнил. А то присоединилось к какому-нибудь уже имеющемуся. Клады могут разделяться, сливаться, перемещаться, как дождевые капли, поэтому карты приходится править. Поди, слышал, как о том упоминала Аленка. – И, глядя в направлении, куда исчезла сестра, Аверя добавил: – Только бы она там попусту не вздумала на что глазеть!

Его опасения были напрасными: Аленка воротилась довольно быстро и развернула перед Максимом обнову:

– Облачайся!

Новая одежда пришлась почти впору, и прикосновение льняной ткани было приятным; тем не менее, глядя на косоворотку, Максим невольно улыбнулся:

«Видел бы меня отец или Пашка в таком прикиде!»

– А теперь – за следующими кладами! – бодро провозгласил Аверя.

Глава 6.

Опасная развилка

- Ну, и куда мы заехали? – проворчал Аверя, глядя на сплошную стену деревьев и кустарника, выросшую перед лошадьми.

- Да ведь на карте не написано, где лес густой, – виновато произнесла Аленка.

- Я и без карты говорил: обогнуть надобно! Все равно никаких кладов тут нет, разве что царевы.

- Тогда поворачиваем обратно...

- На это сутки уйдут, а время уже к полудню. У тебя, поди, черева подвело?

- Страх как есть охота, Аверя!

- Мне тоже. А впереди деревня, в ней мы могли бы купить хлеба, но, вместо того чтобы насытить брюхо, самим теперь придется комаров кормить! Подождите меня здесь, а я дотуда верхом...

-Тсс! – внезапно сказала Аленка. – Ты слышишь?

Аверя приложил ладонь к уху.

- Да, – согласился он и, обернувшись, крикнул: – Максим, покарауль лошадей!

Соскочив на землю и продравшись через подлесок, Аверя и Аленка увидели девочку лет семи, прижавшуюся спиной к стволу дерева. Ее окружала группа сверстников, которые выкрикивали наперебой:

- Похвалыга!

- Завирушка!

- Проучим ее, чтоб царевной себя не мнила!

- Правильно, что впустую гутарить!

Мальчуган, стоявший чуть ближе к девочке, чем остальные, уже размахнулся; Аверя бросился вперед и перехватил его руку:

- Эй, Аника-воин, на девчонке удаль показываешь?

Мальчик резко рванулся в сторону:

- Ты кто вообще такой?

- А тебе не все равно, от кого крапивой по заднице получить? Одинаково зачешешься!

Нападавшие мигом рассеялись. Девочка с плачем кинулась к Аленке, та обняла ее и прижала к себе:

- Ну, не надо, не надо, все же хорошо! За что они тебя?

- Завидуют мне! Я так грибы нахожу, как никто во всей округе.

- Как же ты такой мастерицей заделалась?

- А мне бабушкино благословение помогает, - сквозь слезы улыбнулась девочка. - Мне бабушка говаривала: складывай, Варька, почаще вот так ручку, и будет тебе счастье. - Она сделала распальцовку и произнесла: - Хочу найти подосиновик! - Повертев головой, девочка радостно воскликнула: - Да вон же он, там! Смотрите!

- Ясно, - прошептал Аверя сестре. - Она использует силу клада для поиска грибов. Только темные крестьяне о том не ведают.

- Скажи, Варька: ты ведь из той ближайшей деревни? - спросила Аленка.

- Ага.

- Можно туда проехать, чтобы не назад через весь лес?

Варька бросила лукавый взгляд:

– А вы меня прокатите?

– Ладно, будь по-твоему.

Ребята вернулись к Максиму; Аверя уже собрался усадить Варьку рядом с ним в повозку, но девочка запротестовала:

– Э, нет! На телеге я уже ездила с батюшкой. На лошадку хочу!

– Тьфу, блоха тебя забодай! – буркнул Аверя. – Садись, Аленка, вперед, тебе сподручней будет с этой малявкой!

Через малое время все четверо были уже в деревне и постучались как раз в тот дом, где жила Варька. Ее родные поначалу встретили ребят с явной настороженностью и, лишь узнав, что те спасли девочку от побоев, стали смотреть на них более дружелюбно.

– Землепашцы побаиваются любых царских слуг, как заяц – всякого волка, пусть даже сытого, – пояснил Аверя Максиму. – Без того порядку в государстве не можно быть.

Вскоре избу заполнил народ: приближалось время обеда. Здесь под одной крышей жили люди разных поколений, и все уселись за длинным столом. Глядя на эту большую и дружную семью, Аверя и Аленка заметно погрустнели. Максим догадывался о причине: его друзья рано лишились родителей и теперь особенно остро чувствовали горечь потери. Видимо, чтобы хоть как-то отвлечься от печальных мыслей, Аверя спросил:

– Ну, как живете, селяне?

– Ничего, благодарение Богу, – ответил сидевший напротив него старик, более словоохотливый, чем остальные сотрапезники, и вздохнул: – Кабы еще не дочь моя, мать Варюшки...

– А что с ней? – заинтересовался Максим.

– Занедужила три месяца тому назад. Почему – не знаем. Теперь с кровати не поднимается, и боль ее не отпускает. Да как пойдём кормить, сам увидишь.

Варькина мать лежала в соседней горнице; серое лицо и запавшие глаза красноречиво свидетельствовали о том, что ей пришлось перенести в последние недели. Женщина натужно дышала, и временами ее хрипы перемежались стонами. Несколько ложек похлебки она проглотила безучастно, по-видимому, уже не ощущая вкуса.

– Ну, добрые люди, благодарствуем за хлеб-соль, – вымолвил Аверя. – Малость отдохнем – и в дорогу. Я до сеновала.

– А я поброжу чуток: может, где-то здесь клад схоронен, – отозвалась Аленка.

Максиму не хотелось ни спать, ни прогуливаться, и он уселся в сенях на лавку. Странное беспокойство овладевало им, и мысли раз за разом возвращались к несчастной, прикованной к постели крестьянке. Мальчик вспомнил, как его собственную мать увозили в больницу с приступом аппендицита и как он сам, тогда еще шестилетний малыш, в страхе жался к отцу.

«А ведь я теперь волшебник, – мелькнуло в голове Максима. – Та сила, которой Аленка со мной поделилась, позволяет творить чудеса. Меня предупреждали, чтобы я не тратил ее на разные пустяки, вот и пришло время употребить для хорошего дела. – Улыбнувшись, Максим решительно поднялся с лавки. – Помогу этой женщине! Наверное, Аверя и Аленка сами хотели бы ее исцелить, но не считают себя вправе расходовать клады, которые собирают для царя»

Вернувшись в горницу, Максим сделал распальцовку.

«Выздоровей!»

Эффекта не последовало никакого; более того, на сей раз Максим вообще не почувствовал, что таланы, оставшиеся у него, уходят на исполнение загаданного желания. Мальчик недоуменно поглядел на свою руку.

«Что такое? Видимо, у меня слишком мало таланов. Аверя говорил, что они есть еще у Варьки. Так даже лучше, пусть она сама вылечит свою маму. Представляю,

как она удивится и обрадуется!»

Долго искать Варьку не пришлось: она сидела на крыльце и сплетала венок из только что сорванных цветов. Максим окликнул ее.

- Ась? - повернулась к нему девочка.

- Варька! Хочешь, чтобы твоя мама была здорова?

- Конечно, хочу!

- Идем со мной.

Варька последовала за Максимом и остановилась на пороге горницы.

- А что мне делать?

- Сложи руку так, как будто хочешь найти много грибов.

- Сложила. И что?

- Теперь пожелай, чтобы мама выздоровела.

- Пожелала. И что? Почему моя мама не встает?

«Действительно, почему? - с досадой подумал Максим. - Должно быть, я запросил слишком многого. Ладно, сделаем по-другому! Если клад не может вернуть женщине здоровье, пускай у ней хотя бы прекратятся боли»

Он обратился к Варьке:

- Вели, чтобы мама больше не страдала!

Девочка с недоверием посмотрела на него:

– А это исполнится?

– Не бойся!

– Хорошо. Велю!

В ту же секунду страшный крик невыносимой боли вырвался из груди женщины; она начала биться на кровати, словно через нее пропускали электрический ток, а из горла хлынула черная, вязкая жижа. Максим остолбенел; Варька в слезах кинулась на улицу и тут же вернулась, сопровождаемая двумя мужиками.

– Это он меня научил! – крикнула девочка, показывая на Максима пальцем.

Крестьяне схватили Максима за грудки и притиснули к стене; похоже, от немедленной расправы над мальчиком их удерживало лишь то, что Максим приехал вместе с царскими слугами.

– Ты что сделал, гаденыш?!

– Я не знаю, – пролепетал Максим, растерянно переводя взгляд с одного разъяренного лица на другое. – Я не хотел. Честное слово, не хотел! Позовите Аверю!

Аверя скоро появился, позевывая и протирая глаза; из сбивчивых объяснений Варьки, мужиков и Максима он быстро уловил суть и протянул руку с распальцовкой. Спустя некоторое время женщина успокоилась, и послышалось ее привычное хрипение. Мужики принялись менять постельное белье, а ребята вышли из избы. Сильное чувство неловкости и до конца еще не прошедший страх мешали Максиму заговорить, хотя он понимал, что должен поблагодарить друга и извиниться. Молчание первым нарушил Аверя, произнеся грубовато-добродушным тоном:

– Ладно, не кисни, не то мы с Аленкой тебя заместо щавеля в щи положим! Даже у государя не всегда справно выходит то, что таковым мнится.

– Но ведь с птицами, с грибами получалось...

– Там были развилки, а здесь нет.

Максим недоуменно посмотрел в лицо Авере:

– Это еще что такое?

– Вот ответь мне: когда смотришь на птаху, можно ли заранее знать, на какую ветку она перескочит?

– Вряд ли, но при чем...

– То есть тут можно надвое гадать; это и есть развилка. Слушай дальше: могла та птица делать то, что ты ей велел, и без твоего приказа?

Максим задумался.

– В принципе, могла.

– Конечно! И подосиновик можно было сыскать без клада, если зенки пошире пялить да кустам с травой кланяться. А у Варькиной матери хвороба такая, что любого человека в могилу сводит, и только могила избавит от мук. Разницу чуешь?

– Кажется, теперь я начинаю понимать...

– А когда ты, из жалости к той селянке, захотел положить конец ее страданиям и Варьку подговорил, клад нашел единственную развилку, чтоб таковое желание сбылось: незамедлительно умертвить бабу! Она ведь и умрет точно так же, с рвотой и корчами, только это может случиться завтра, через месяц или через год. По здравому рассуждению, лучше бы ей уже сейчас в гроб лечь, а мне не вмешиваться, да только крестьяне нас бы за это по макушке не погладили. Запомни: клады только приманивают удачу, а скажем, по волнам ходить или воду в вино претворять, как иные невежды в старину делать пытались, с ними не можно. – Аверя вздохнул. – И покойников не воскресишь. А будь по-другому, уж мы бы не скитались по земле сиротами.

– А когда я давеча похвалялась перед ребятами, что синий мухомор найду, тоже не было развилки? – раздался рядом знакомый голос.

Аверя моментально развернулся:

– Ах ты, маленькая дрянь! Подслушивала?

– И ничего я не подслушивала! – обиженно произнесла Варька. – Просто стояла тут и пускала зайчиков!

Аверя наклонился над блестящим предметом, который девочка держала в руке.

– Откуда у тебя печать кладоискателя?

– В лесу нашла десять дней тому назад! – выпалила Варька.

Аверя нагнулся еще ниже.

– Это печать Прошки! Вот раззява, солоно ему теперь в приказе придется! А скажи-ка, грибная гроза: давно ты их так лихо искать насобачилась?

– Да уже с неделю!

– А теперь припомни, благо времени с гулькин нос прошло: до этого и после того, как ты печать отыскала, не случалось с тобою чего необычного?

Варька прикусила ноготь.

– Точно! Я видала промеж деревьев яркий свет, точно солнышко с небес спустилось, а после пошла туда. Поначалу испужалась сильно, да потом по бабусиному наказу поделала вот так пальчиками, все и прекратилось.

– Ой, дуреха! Знаешь ли, что, не будь при тебе той печати, лешие бы разорвали тебя в клочья? – Аверя лукаво посмотрел на девочку. – Впрочем, беды ты еще не избыла.

– А что такое?

– Ты ж воровски расхитила государево достояние, а домашних твоих сообщниками сделала. Они ведь ели твои грибы?

– Вестимо, ели!

– Ну, вот видишь! Тебя, быть может, и простят по малолетству, а отца и братьев станут бить кнутом на торгу.

Варька испуганно округлила глазки.

– Ой, страсть-то какая!

– Потому, чтобы лихо не стряслось, отдай мне клад, а я передам в казну. Все равно тебе сегодня от него едва бой не вышел. А подосиновики да рыжики сама уж находи, только всамделишных цветов!

– А как мне отдать? Я не умею.

– Покажу!

Аверя и Варька соединили сложенные распальцовкой руки, и Аверя довольно улыбнулся:

«Пятнадцать таланов. Не худо!»

Выпрямившись, Аверя увидел возле себя Аленку, которая, очевидно, только что подошла, и взгляд у нее был весьма довольный.

– Ишь сияешь, будто клад! Неужто все-таки его сыскала?

– Не клад, а человека, который у нас телегу сторговал. Дальше отправимся верхом, зато уж никакая чаша помехой не будет.

– Да ты у меня огонь-девка!

– А то!

– Кому ж я тебя такую отдам? Спалишь мужа в постели, придется потом черное платье вместо золотого носить.

Аленка зашлась смехом:

– Скоморох ты, Аверька!

– Скоморох, не скоморох, а тоже сегодня с прибылью!

– С какой же?

– Потом поведаю. Дел у нас тут более никаких нет, и времени терять не будем.

Аверя и Аленка незамедлительно двинулись к лошадям; то же сделал и Максим, но с некоторым опозданием, поскольку Варька успела ухватить его за рукав рубахи:

– На, возьми еще это. – И, сделав вперед полшага, девочка прошептала: – А как будешь в столице, скажи государю, чтоб он подати сбавил; батюшка говаривал, что прежде они помене были. А то недавно заезжали коробейники, так не смогли мы купить ни мне меховую игрушку, ни картинку красивую, чтоб маме в горницу повесить. – Опустив голову, Варька добавила: – Коли уж нельзя ее вылечить, путь хоть порадуется.

Максим, грустно улыбнувшись, кивнул и присоединился к друзьям. Аверя крикнул:

– Садись на мою лошадь и держись за меня! Э, сильно не сжимай, я ж тебе не девка на свидании!

Кони рванулись, у Максима захватило дух, и, чтобы удержаться, ему пришлось резко стиснуть лошадиный круп ногами. Лесная темень быстро приближалась; вскоре она скрыла всадников. Оглянувшись в последний раз, Максим успел увидеть, как Варька, отбежавшая немного от избы, машет ему на прощание

ручонкой.

Глава 7.

Послушный сын

К вечеру ребята достигли лесного озерца, возле которого и решили заночевать. Максим набрал хворосту, Аверя начерпал воды и раскинул палатку, а Аленка развела костер и поставила на огонь котелок с кашей. Ждать, пока она сварится, было не то чтобы очень долго, но некоторое время все-таки требовалось, и Максим, несколько разбитый с непривычки ездой, прилег отдохнуть. Тут он вспомнил о вещице, который получил от Варьки, и, вытащив ее из кармана, решил переложить в походную торбу, где, как полагал, она будет в большей сохранности. Этим он немедленно привлек внимание Авери:

– Ну-ка, погоди! Что это у тебя?

– Прошкина печать. Варька отдала мне.

– Зачем же ты ее взял?

– Как зачем? Надо же вернуть этому Прошке, если его встретим.

– Хочешь, чтобы нас в краже обвинили, и не только печати, но и кладов? Прошка наверняка уже встревожился, что у него много таланов распропало.

– Что же с ней теперь делать?

Вместо ответа Аверя взял печать с ладони Максима и со всего размаху метнул ее в озеро.

– Вот так – концы в воду.

- Тсс! - произнесла Аленка. - Ребята, слышите?

Аверя насторожился, слегка повернув голову:

- Может, лось?

- Едва ли. Коня кто-то гонит сюда, да так, что животину не жалеет.

- Если вновь посыльный с очередным повелением от Дормидонта, дурная приправа у нас будет к ужину!

Вскоре опасения и сомнения рассеялись: из зарослей на взмыленной и нахлестанной лошади показался толстый парень в кафтане кладоискателя с редкой бородкой, рыжими волосами и двумя бородавками на одной щеке.

- Проща! - пробормотала Аленка. - Легок на помине!

Аверя подошел к сослуживцу, поспешившему осадить лошадь и спрыгнуть с седла.

- Здрав буди!

- И тебе не хворать, - рассеяно ответил Проща.

- Вот уж не чаял, что дорожки наши пересекутся!

- Да я тоже. А это кто с вами?

- Это Максим, хороший парень, - ответил Аверя. - Думает в кладоискатели поверстаться, как будет в столице, а пока у нас науку проходит.

- Гляди, хлопец, загоняют они тебя!

- Но-но! - погрозила пальчиком Аленка.

- Хочешь, вечеряй с нами, - предложил Аверя. - Только харч свой готовь. Все равно ехать вперед тебе не резон - кладов там нет, мы проверили. А нет охоты - поворачивай назад.

- Кабы назад можно было! - простонал парень. - Беда со мной приключилась!

- Что за беда такая?

- Печать свою потерял!

Аверя изобразил на лице удивление:

- Как же тебя эдак угораздило?

- Бог свидетель, не пил я хмельного! И не ведаю, как то вышло! А мне без печати вертаться нельзя - батогамы взгреют да со службы прогонят. Может, видели где ее? Век буду благодарен!

- Ты проживи сперва век-то! А насчет печати - счастье твое, что нас встретил!

- Еще бы не счастье - сколько таланов перевел, чтоб на ее след напасть!

- Это хорошо, - шепнула Аленка Максиму. - Поскольку Прошка сам тратил таланы, то не заметил, что Варька прикарманила его клад.

- О чем это вы шушукаетесь?

- О том, - отвечивал Аверя, - что, подъезжая сюда, мы приметили: местные ребятишки в пальцах вертели что-то столь похожее на печать, что я ненароком свою проверил. Да только та неведомая вещь скоро наскучила им.

- Куда ж они ее унесли?

- А почто им уносить, раз наскучила? Отшвырнули вон туда. - Аверя показал на то место промеж водяных лилий, куда действительно сам выбросил печать.

- А ты не врешь?

- Верь, не верь - твое право.

Прошка растерянно посмотрел на озеро.

- И как мне теперь достать ее?

- Видишь, цапля лягушек таскает? - насмешливо произнес Аверя. - Она птица умная: когда надо, не боится ног замочить. Последуй и ты ее примеру.

Прошка сплюнул и, кряхтя, начал стаскивать с себя кафтан и рубаху:

- Не глазели бы хоть... Срамно!

- А представь, что в баньку пришел, - посоветовал Аверя.

Раздевшись, Прошка полез в озеро. Купаться ему приходилось не слишком часто, судя по неловким движениям. Берега у озера были крутые, поэтому почти сразу понадобилось плыть, а впоследствии, уже чтобы достать пропажу, - нырять. Первые три попытки привели лишь к тому, что Прошка перемазался илом. На четвертый же раз, выныривая, он и вовсе едва смог приподнять голову над водой, далее издал какое-то неразборчивое мычание и начал медленно погружаться обратно, словно кто-то потянул его на дно.

- Вот тебе и бабушкины сказки! - произнес Аверя. - Никак у дурня ногу свело.

- Ладно, охолонусь ради него, - отозвалась Аленка. - Прошка, держись! - Вскочив, она сбросила сапожки, ухватилась за край платья и крикнула, обернувшись к Максиму:

- Отворотись, я одежду мочить не хочу!

Не успел Максим опомниться, как Аленка уже исчезла под водой.

- Снова ей, егозе, нейдет! - проворчал Аверя.

Прошла целая минута, а Аленка и Прошка не показывались, только на поверхность начали пробиваться отдельные пузырьки, но не такие, какие обыкновенно пускает человек; казалось, озеро закипает, подобно огромному котлу. Далее произошло то, что заставило ребят вскрикнуть от ужаса: из глубины вырвался столб воды высотой около пяти метров и толщиной чуть поменьше столетнего дуба. Верхняя его часть начала быстро видоизменяться, приобретая сходство не то с уродливым человеческим лицом, не то со звериной мордой.

- А, черт! - Аверя выхватил печать и, не раздеваясь, бросился в воду; Максим последовал за ним. Еще через полминуты озерная гладь успокоилась, и Максим, фыркая, вынырнул; одной рукой он протирал глаза, а другой поддерживал Прошку, который, по-видимому, был уже в полном порядке, и только пережитое потрясение еще мешало ему самостоятельно добраться до берега. Оставив Прошку сидеть на песке, Максим огляделся и увидел Аленку, распластанную на траве неподалеку, белую, точно из нее выпили всю кровь, и даже как будто уменьшившуюся в размерах. Аверя, такой же бледный, как сестра, стоял над ней, вытянув руку с распальцовкой, но в этом жесте не было знакомой Максиму уверенности: рука Авери дрожала, будто у мальчугана, который, сжав ее в кулак, готов оказать отчаянное и бессмысленное сопротивление взрослым отморозкам.

- Что случилось? - с тревогой спросил Максим.

- Что? - крикнул Аверя, в бешенстве повернув к Максиму голову. - Водяной Аленке горло залил! Я ничего не могу сделать! Все без толку! Она умрет!..

Аверя опустил руку, и тотчас же Максим кинулся к Аленке, лег рядом с нею и впился своими губами в губы девочки. В ту же секунду Аверя подбросил его вверх:

- Похоть разыграла, да?!

Одним ударом Максим сбил Аверю на землю, после чего продолжил начатое. Растерянно хлопая глазами, Аверя уже не пытался вмешиваться. Проходили минуты; тело девочки постепенно розовело; наконец, когда Максим оставил ее, она резко приподнялась, откашлялась и огляделась с недоумением:

– Аверя, ты взял клад?

Аверя бросился к сестре и обхватил ее руками:

– Аленка!..

Обессиленный Максим лежал рядом, жадно хватая ртом воздух, точно рыба, выброшенная на берег. Прошка уже успел одеться и с умилением перекачивал свою печать из ладони в ладонь:

– Вот ты, моя хорошая, уж теперь я тебя не потеряю! Благодарю, ребята! И не сердчайте: это я делал распальцовку, чтобы поскорее печать сыскать, и ненароком коснулся рукой дна.

– Изыди! – крикнул, но без гнева, Аверя.

Прошка вскочил на коня и потрусил прочь. Аверя перенес Аленку к костру и набросил ей на плечи покрывало; далее он и Максим отошли за дерево и выкрутили одежду, после чего присоединились к Аленке. Вскоре все трое принялись за ужин, и Аверя рассказал сестре, что произошло.

– Спасибо, Максим, – сказала Аленка; Максим поймал ее полный восхищения и благодарности взгляд и невольно покраснел. Внезапно девочку разобрал смех, так что она едва не подавилась, а Аверя с Максимом вздрогнули и настороженно посмотрели на нее. – Нет, ничего, хлопцы, мне только представилось, как это все выглядело: я голая, ты рядом, и мы лобзаемся. Обычно так новая жизнь рождается, а ты мою спас...

– Я и Аленка в долгу пред тобою ныне, – произнес Аверя.

– Да ладно, ребята, – буркнул Максим тем грубоватым тоном, к какому обыкновенно прибегают подростки, пытаясь скрыть смущение. – Разве вы сами прежде не спасли меня от разбойников? Просто меня отец учил, как искусственное дыхание делать. Даже не знаю, почему я тогда об этом вспомнил, думал, и не пригодится.

Аленка повернулась к брату:

– А ты, Аверя, прости, что оплошала и сама не смогла забрать клад. Очень уж неожиданно все получилось. Сколько в нем таланов?

– Десять. Нет, постой!

– Что?

– Их же было тринадцать. Точно тринадцать! Что за... – Аверя недоуменно огляделся, точно три пропавших талана были нечто таким, что можно увидеть, как рассыпанные пуговицы.

– А чего ты желал, когда в последний раз делал распальцовку? – спросил Максим.

– Конечно, чтобы Аленка не умерла!

Максим слегка улыбнулся:

– Так себя и благодари за ее спасение! Похоже, клад исполнил твое желание: вовремя вытащил из моей памяти то, что требовалось.

– Нет, – возразил Аверя, – Аленка ныне сидит подле нас благодаря тебе, и никому иному. Будь ты непутевым сыном и пропусти то отцово наставление мимо ушей, развилка бы не появилась, а кашу пришлось бы слезами посолить!

– Для почтительных детей родительское слово не пропадает втуне – так нам старец Евфимий говорил, – откликнулась Аленка. – Он еще такую притчу вспомянул: жил некогда не то дьяк, не то купец...

Аленка начала было рассказ, но полный желудок и утомительный день взяли свое: язык девочки начал заплетаться, а сама она – клевать носом. Аверя и Максим аккуратно перенесли ее в палатку, после чего залили водой костер и легли сами. До рассвета не произошло ничего, что могло бы потревожить их покой, хотя поначалу Максим никак не мог сомкнуть глаз. Возможно, перипетии последних суток мешали расслабиться, но спокойное сопение друзей заставляло забыть о пережитом и глядеть в будущее так смело, как свойственно человеку, чувствующему поддержку близких и свой долг перед ними.

Глава 8.

Заклятие на крови

После случая на озере у ребят началась несчастливая полоса. За неделю удалось взять только два клада, по одному талану каждый и не заклётых. Максим предложил использовать силу имеющихся кладов для поиска новых, но эта идея не встретила поддержки у друзей. «Больше потеряем, чем найдем» – заявил Аверя.

На восьмой день ранним утром путешественникам удалось напасть на след очередного клада. Двигаясь по нему, они выехали из леса и очутились на болоте, поросшем клюквой, чахлым кустарником и уродливыми кривыми сосенками, самая высокая из которых едва доходила Максиму до груди. Убедившись по веточке, что клад где-то рядом, Аверя заставил его выйти из земли, но почти сразу брат и сестра разочарованно выдохнули, причем так одновременно, будто бы заранее об этом договаривались.

– Что случилось, ребята? – спросил Максим.

– Клад положен на кровь, – ответил Аверя.

– Что это значит?

– Чтобы взять клад, нужно, чтобы возле него был убит человек. Таковы многие разбойничьи клады: пряча их, лихие люди обыкновенно режут пленника или даже кого-то из своих – по жребью.

– И как же теперь быть?

– Попробуем обмануть заклётие. – Аверя достал из-за пояса нож, быстрым движением уколол себя в руку, на которой сразу выступила красная капля, и вытянул ее по направлению к кладу. Минута прошла в молчаливом ожидании, но с кладом ничего не происходило. Наконец Аверя опустил руку и произнес, с

досадой глядя на напрасно нанесенную ранку:

- Нет, не судьба! Талан только зря потратили!

- Мы так и бросим его?

- Так ничего не попишешь. Жалко, конечно: клад, должно быть, большой, но с кикиморой человеку не совладать. Садимся на коней, и прочь от этого болота, пропади оно пропадом!

- В ином месте повезет больше! – утешительно произнесла Аленка. – Только, Аверя, подожди меня еще малость.

- Ягод, что ли, хочешь набрать?

Аленка потупилась:

- Мне до кустов надобно!

- Смотри, на гадюку не наступи, жиганет: я тут одну уже спугнул!

Отбежав немного, Аленка скрылась в зарослях. Вернулась она быстрее, чем на то рассчитывал Аверя; он даже не успел протереть бок лошади пучком сухой травы.

- Аверя, там два мужика! – зашептала девочка.

- Ну, беги в другие кусты: здесь их полно.

- Да я не о том. Сдается мне, они дурное дело замышляют!

- Ой ли? Поди, мерещится!

- Сходи сам да проверь!

- Хорошо. Максим, пошли со мной, – скомандовал Аверя.

– А я вас догоню, – прибавила Аленка.

Припав к земле и аккуратно раздвинув ветки, ребята действительно увидели двух мужчин, склонившихся друг к другу. Одним из них был совсем молодой парень в белой крестьянской рубахе, другой – человек средних лет; благодаря черной бороде, темной одежде и небольшой сутулости он очень напоминал нахохлившегося ворона. Сходство еще более усилилось, когда ребята услышали его скрипучий голос:

– Когда деньги отдашь? Я на твою девку пять таланов извел, а они нынче вздорожали!

– Нет у меня грошей! – простонал парень. – И так недоимка по оброку перед князем: уж он грозился из меня ее кнутом выколачивать! Почему я вообще должен тебе платить? Разве я просил убивать Настюху? Она мне теперь каждую ночь снится... красивая, живая... А как отца ее встречу, и вовсе хоть в петлю полезай.

– Ты еще не вздумай глупостей наделать – с кого потом долг получу? А плакаться мне нечего: что ты для девки пожелал, за то сам в ответе.

– Через два дня рассчитаюсь.

– Смотри у меня!

Парень медленно двинулся прочь; его собеседник, немного постояв, пошел в противоположном направлении. Сзади подползла Аленка; Аверя, почувствовав ее присутствие, тихонько спросил:

– Ты не узнала этого черного?

– Теперь узнала. Это ж Дорофейка!

– Кто он? – спросил Максим.

– Кладоискатель бывший, – ответил Аверя. – Только его уволили со службы за нерадение и попытку утаить таланы. Так вот, значит, чем он теперь промышляет: порчу наводит на людей с помощью кладов! Какую-то девку сообща в гроб загнали.

– И мы позволим им уйти?

– Никогда! – жестко произнес Аверя, глядя вслед удаляющемуся парню. – Рук ты не наложишь на себя, а вот нечто иное ты, у меня, милачок, исполнишь! Развилка тут есть.

Аверя сделал распальцовку; по телу парня пробежала судорога; он резко распрямился и значительно ускорил шаг.

– Судя по карте, он направляется в вотчину князя Бельегорского, где, должно быть, и сам живет, – сказал Аверя. – Поехали за ним: ручаюсь, там будет на что поглазеть.

Уже при въезде в вотчину – большое село неподалеку от болота – ребята услышали шум. На главной улице толпа крестьян плотным кольцом обступила парня, который, стоя на коленях, пронзительно выкрикивал:

– Не хотел я ее жизни лишать, люди добрые! Я ведь сперва приворожить ее думал, да Дорофейка изрек, что сие невозможно, о развилке какой-то баял. Тогда я возжелал, чтобы она спину сломала: чаял, ноги у ней отнимутся, никому она, кроме меня, не нужна будет, а я бы ее, проклятую, на руках носил и пылинки с нее сдувал! А она возьми да помри!

Крестьяне хмуро, вполголоса, переговаривались:

– Не браги ли он упился?

– Не похоже!

– Помню, как он увивался за той девкой!

– Ах ты!.. – Через толпу продрался дородный мужик в расхристанной рубахе и с безумными глазами, явно намереваясь броситься на парня. Двое односельчан схватили его за руки:

– Не надо, Гордей... Не бери греха на душу!

– Да я за родное дитя своими руками из него жилы вытяну! – Отчаянным усилием мужик вырвался и уже готов был схватить парня за горло, но тут на его шее захлестнулся брошенный сзади аркан, и он грохнулся на траву. Крестьяне расступились и поклонились в пояс, увидев группу вооруженных всадников, во главе которых выделялся человек в богатой одежде, на рослом коне и с ловчим соколом на перчатке.

– Что здесь случилось? – спросил он.

– Сам князь, – шепнул Аверя Максиму.

Крестьяне загалдели вразнобой. Князь поморщился:

– Ничего не разберу! Говори ты, – он ткнул пальцем в сторону одного из крестьян, пытавшихся удержать Гордея, – коли старостой назвался!

Староста оказался толковым мужиком, и для объяснения ему не понадобилось много времени. Князь соскочил с коня и подошел к парню:

– Так вот почему ты мне оброк не платишь! Иному человеку деньги берег!

– Прости, князь, – опустил голову парень.

– Не у меня тебе прощения просить! Где тот лиходей, с которым ты сговаривался?

– Не ведаю, князь! Виделся с ним сегодня, да раньше, чем он, ушел.

– Мы знаем! – вмешался Аверя. – Приметили их, прежде чем сюда завернуть. Дорофейка побрел вон туда. – Мальчик вытянул руку, показывая. – На добром коне его быстро можно нагнать.

– А кой из себя этот Дорофейка?

Аверя сообщил необходимые приметы, которые тотчас же подтвердил и парень. Князь снова взглянул на него:

– Благодарю государевых людей, не то я бы твои слова клещами проверил, мразь! Эй, – обратился он к дружине, – кто с запасными лошадьми, седлайте их! Притащите мне его – уж одарю.

Трое челядинцев бросились исполнять приказ. Они действительно скоро вернулись с Дорофейкой, которого сволокли с коня за заломленные назад руки. Аверя обратил внимание, что пальцы бывшего кладоискателя были прочно привязаны друг к другу в выпрямленном состоянии, и, таким образом, он не мог воспользоваться силой клада; видимо, княжьи люди свое дело хорошо знали.

– Полегче, окаянные! Совсем суставы вывернули! – выдохнул Дорофейка.

– Ишь дергается, как пойманный зверь на цепи! – произнес один из крестьян.

– Так зверюга и есть! Кто ж еще? – отозвался другой.

– Он? – спросил князь.

Парень молча кивнул. Дорофейка крикнул, задрожав:

– Ложь все это! Не ведаю ни сего парня, ни его девки!

– А что ты о девке заговорил? – возразил князь. – Тебя о ней спрашивали?

– Он это! – раздался голос старосты. – Видел я его на окраине села в тот самый день, когда Настена с мостка вниз головой полетела!

Князь пристально посмотрел на Дорофейку:

– Ты еще будешь упираться?

- Поклеп! Не погуби!

- Ой, Дорофейка, зря ерепенишься! – тихонько произнесла Аленка, делая распальцовку.

Дорофейка затрясся еще сильнее:

- Мой грех! Признаю!

- Иных таких дел не творил? – спросил князь.

- Не было!

- Да? Отведите-ка его в кузницу, там расспрошу поподробнее.

Аверя подошел к князю и поклонился, только не так низко, как мужики:

- Дозволь при том присутствовать!

Князь оглядел мальчика и после небольшой паузы промолвил:

- Что ж, добро.

- Максим, пойдешь? – повернулся Аверя к другу.

- Ну уж нет! – запротестовала Аленка. – Максим уже обещал мне пару в горелках составить!

Честно говоря, Максим не помнил, чтобы он обещал что-либо подобное, но игра, которую деревенская молодежь затеяла у околицы, увлекла его, и следующий час пролетел незаметно. Забаву прервал братишка одного из участников, которому как раз выпало водить; примчавшись, он выпалил:

- Дорофейку выносят!

- Выносят? – переспросил Максим.

– А как же! Ему ведь ноги припекли, он более не ходок!

Все побежали к кузнице. Возле ее открытых дверей они увидели нагое и обезображенное тело Дорофейки, кое-как прикрытое тряпьем. Резкий запах горелого мяса ударил в нос Максиму, так, что к горлу подступила тошнота, а предметы поплыли перед глазами. По счастью, рядом раздался насмешливый голос Авери:

– Жалко тебе его? А ты, прежде чем нюни распускать, спроси, чего он с пытки вякнул! Варькину мать помнишь? Так это он на нее порчу навел и еще в двух таких случаях сознался! И заказчиков сдал, само собою.

– Не худо бы ему очную ставку с ними устроить, – сказал какой-то крестьянин.

– Очная ставка ему теперь предстоит разве что с Господом! – возразил староста. – До заката не доживет. Сказнить его сейчас – самое то милосердие.

– То мысль здравая, – вдруг заявил Аверя, – только сказнить тоже надобно с уменьем! Если здесь это над ним учинить, дух его станет еженощно по селу шататься, в окна стучать да у коров молоко портить. На болоте нужно, у кикимор поганых – тогда беды не жди.

Мужики сдержанным гомоном одобрили предложение Авери; князю оно также было не вопреки, и поэтому он незамедлительно велел двум дружинникам:

– Отправитесь с царевыми слугами и, где они укажут, порешите злодея. Да башку его мне доставьте, чтоб уж никаких сомнений не было.

Аверя склонился к Аленке:

– Поезжай вперед и все приготовь.

– А что делать с тем парнем? – спросил кто-то.

– Согласно государеву уложению, того, кто порчей на человека смерть навлек, надлежит живьем спалить в срубе, – слышался ответ из толпы.

– И правильно! – крикнул Гордей. Однако не все его поддержали. С разных сторон раздались возгласы:

– Погодь, не руби с плеча! Он ведь сам повинился!

– Можно и не по строгости наказывать!

Князь нахмурился; все умолкли, ожидая его решения. Наконец он изрек:

– Хорошо! Пускай отныне и до самой смерти он мелет зерно в моем подвале вместе с холопами да в своем грехе кается.

Этих слов Аверя уже не слышал: он торопился туда, где сегодня видел клад. Впрочем, на само болото Аверя въезжать не стал, остановившись на границе его и леса: как уже довольно опытный кладоискатель, он с ходу оценил расстояние и счел его приемлемым. Дорофейку, все еще бесчувственного, поставили на колени лицом к селу. Аверя присел рядом; левой рукой он обхватил преступника за пояс, удерживая его, а правой, которой сделал распальцовку, коснулся Дорофейкиной руки, и крикнул:

– Давай!

– Тебя бы не зацепить, – промолвил один из дружинников.

– Не бойся!

Дружинник взмахнул саблей; голова Дорофейки отлетела; Аверя ловко уклонился и от клинка, и от хлынувшей крови. Княжеские люди отправились восвояси; Аверя и Максим остались подождать Аленку, которая прискакала минуты через три. Ее сияющее лицо исключало всякие расспросы об удаче или неудаче.

– Аверя, двадцать два талана!

– Любо, Аленка! У меня еще от Дорофейки десять свежих: ухватил, когда его душонка с телом расставалась.

- Прибыток за день велик, но давай и расходы сочтем!

- Не без того! Мне парень в три талана обошелся.

- А мне Дорофейка в один, ибо дюже был напуган!

- Постой, да ведь это значит...

- Это значит, мы выполнили поведение Дормидонта и можем ехать в столицу хоть сейчас!

- Ура!

- Ура!

- Недалече большая дорога, - деловито заявил Аверя, - по ней мы в три дня доберемся до гавани. А дальше и до столицы водою.

- Авось до новой луны со всем управимся, - заключила Аленка.

Глава 9.

Разлад и согласие

Ребята быстро продвигались по большой дороге. Лошади бежали легко, чувствуя под копытами утрамбованный песок вместо неровностей лесной и болотной почвы. Чем ближе было к портовому городу, тем больше попадалось пеших людей, всадников и телег. Максиму, который, как и раньше, сидел позади Авери, такая пестрота лиц и одежд была в новинку, и он оживленно вертел головой; Аверя же и Аленка, не отвлекаясь, смотрели вперед с прежним упрямым азартом.

Утром третьего дня, когда до цели оставалось уже немного, Аверя затянул было песню про веселого кладоискателя, который за сто таланов подрядился сосватать лешему кикимору, но не успел начать и третий куплет, как сзади послышались крики:

- Берегись! Берегись!

Ребята едва успели отпрянуть. Мимо пронеслась длинная шестиконная повозка, по краям которой сидели солдаты, а в центре возвышалась деревянная клетка, где находился седобородый человек в темной одежде и со скрученными руками. Голова его была низко опущена.

- Смотри! Это же Евфимий! - произнесла Аленка.

- Это который вас воспитывал? - спросил Максим.

- Да. - Аверя ударил лошадь плетью, догнал повозку и крикнул:

- За что старца повязали?

- Не твое дело, парень! - откликнулся начальник конвоя.

- Я добром спрашиваю...

- А я и отвечаю добром! И добром предупреждаю: не вздумай тут распальцовку делать, не то пристрелим, как собаку. Так государь повелел!

Аверя натянул поводья и чертыхнулся. Евфимий еще успел поднять глаза, и мальчик увидел в его взгляде и грусть от осознания того, что новой встречи, вероятно, уже не будет, и легкий укор за своеволие, некогда проявленное ребятами, и твердую решимость пострадать за какое-то очень важное и правое дело. Аленка поравнялась с друзьями:

- Что они сказали?

- Ничего!

– Какая же вина на Евфимии? Ведь так возят только самых страшных преступников! И что же такого он может сказать народу, если ему даже рот заткнули?

– Почему я знаю? – раздраженно ответил Аверя. – Одно ясно: в бухте уже ждет корабль, на котором Евфимия без промедления в столицу отправят. Если что и выведем, то лишь там.

– Может, и с Евфимием успеем проститься. Поспешим, Аверя!

– Нет уж! Ему плаха уготована, а мне того раза хватило, и вторично нет охоты это видеть!

Аверя оказался прав: когда ребята ближе к вечеру прибыли в город, старца там уже не было. Словоохотливые грузчики на пристани подтвердили, что некоего «знатного вора» посадили на корабль, тотчас же поднявший якоря. Ближайшее судно должно было отплыть в столицу на следующие сутки в полдень; Аверя и Алёнка договорились с капитаном о проезде и заплатили за Максима (сами они как кладоискатели могли ехать бесплатно). Далее ребята сняли на одну ночь комнату на постоялом дворе, где разместили вещи. Эти хлопоты позволили забыть о неприятной сцене на дороге, и после ужина Аверя предложил заглянуть в соседний кабак, выпить меду, который, по слухам, был здесь очень уж хорош.

Народу в кабаке было немного: только дальний столик занимало несколько человек, по-видимому, посадских тягловцев, да чуть поближе к выходу сидел рослый мужчина с тугим кошельком на поясе. Держался он степенно и не вступал в разговор соседей, обрывки которого долетали и до ребят.

– Так ты второй день как из столицы, Мефодий?

– Бог привел туда, привел и обратно!

– Что слышать о государе?

– Плохо ему, помрет скоро!

- Дурная весть, братцы: все загинем!

- Это почему?

- Смута будет!

- Так у царя вроде сыновья-погодки есть: Василий да Петр.

- Проку с них мало: порченые они. Дормидонт-то, почитай, самозванец...

- За такую хулу - кнут!

- А чего играть в ухоронки? Он ведь сам после смуты на престол уселся, потому и страшно сделалось ему, что дети, как в силу и разум войдут, спихнут его оттуда! Вот и постарался, чтоб не было у них ни того, ни другого...

- То бабы сплетни!

- Повидай царевичей сперва да порасспроси их челядь, прежде чем мудрецом себя мнить! Как полагаешь, куда царева казна ушла незадолго до их рождения? Потом Дормидонт всю землю ограбил, чтобы ее восполнить! Молод ты и не помнишь, как после этого и хлеб градом било, и скотский падеж свирепствовал: нечем было беду отвести.

- И ныне к тому идем!

Один из посадских, дотоле сидевший угрюмо и лишь изредка ронявший слова, вдруг резко выпрямился и впился глазами в Аверю и Аленку, расположившихся на другом конце помещения.

- А вот и они, курвины дети! - крикнул он.

Аверя медленно поднялся из-за стола и процедил:

- Ты кого облаял срамным словом, кабацкая теребень?

– Остынь! Что тебе до государевых кладоискателей? – вмешался человек с кошельем. Он немного развернулся, и ребята увидели на его пальце перстень с печатью купеческой гильдии.

– Что? Они у моего свояка два дня назад так таланы вымучивали – на спине и на харе места живого не осталось!

– Если что забрали насильством, пиши челобитную, а добрых слуг не задевай! – отчеканил Аверя.

– Ах ты! – Опрокинув стул, посадский сделал шаг по направлению к ребятам.

Аверя выхватил нож:

– Ну, давай, подходи, коли смелый! Я тебе водку из брюха выпущу – живо протрезвеешь!

Максим встал плечом к плечу с другом, чтобы сообща отразить нападение. Аленка потянула брата за рукав:

– Не надо...

– Пусти! – с внезапной злобой крикнул Аверя. – Я с него взыщу за бесчестье родителям!

– Не трудись, царев человек! – Целовальник у стойки щелкнул пальцами. Тотчас же по разные стороны от посадского выросли двое дюжих кабацких прислужников. Подхватив под руки, они повели его, шарахнули о низкую занозистую притолоку так, что брызнула кровь, и с силой выбросили из распахнутой двери; две собаки, обыкновенно ожидавшие подачек от пьяных посетителей, с воем пустились прочь. Аверя залпом допил оставшийся в чарке мед и, насупившись, вышел из кабака; Максим и Аленка поспешили следом.

На следующий день ребята рано явились к пристани, предпочитая скоротать время на свежем воздухе, а не в духоте и вони постоянного двора. В трюм полным ходом грузили товар – пряности, привезенные с юга; трое купцов отправлялись с ними в столицу. Одним из них, по имени Пантелей, Аверя, Аленка и Максим

видели вчера в кабаке; теперь он, бодро подбодрившись и с легкой ухмылкой, наблюдал за носильщиками и время от времени покрикивал на них, если ему казалось, что те слишком небрежно обходятся с мешками и могут уронить их в воду. Два других купца были очень похожи на него одеждой и фигурой, но разительно отличались по поведению: хотя они также улыбались, но их бледность свидетельствовала о том, что они пересиливают себя, а в их упорном молчании невольно чудилось что-то зловещее. Наконец весь груз занял надлежащее место в трюме, а люди – на борту, и, пользуясь попутным ветром, корабль быстро покинул гавань.

По расчетам Авери, переезд через море должен был занять примерно неделю, и, значит, следовало вооружиться терпением. Последнее, впрочем, не составляло проблемы: при отсутствии ежедневных дел и полной невозможности сыскать на судне какую-либо забаву сама размеренность корабельной жизни располагала к дремоте. Переносить с достоинством скуку для Авери и Аленки было столь же привычным, как разгадывать и снимать заклятия, поэтому большую часть суток они спали, словно бы набираясь сил перед решительным рывком. Максима поначалу очень занимал вид деревянного парусника с двумя рядами весел, похожего на музейные модели. Однако после того как Максим в первый же день обегал и облазил весь корабль (в этом никто не препятствовал), взгляд его притерся к новой обстановке, как и к другим вещам, с которыми ему пришлось столкнуться после расставания с Павликом. В результате Максим уподобился Авере и просто начал с ленцой ждать конца путешествия.

Так прошло пять дней, в течение которых погода стояла прекрасная. Однако на шестой, ближе к полудню, небо затянуло тучами, стало темно, а переменчивый ветер начал швырять судно то вправо, то влево. Борясь с непредусмотренными поворотами корабля, матросы изрядно устали; их лица сделались злыми, а с губ то и дело срывалась матерная брань, хотя ее капитан строго запрещал, когда на борту находились царские слуги. Последним, впрочем, было не до того: ребят начинало мутить, и Аверя однажды даже был вынужден оттащить Аленку до края палубы. Волнение на море все увеличивалось.

– Ну почему капитан не использует силу клада? – простонала девочка. – Они ведь наделяются ею от казны в обязательном порядке!

– Им дозволено ее применять, только если кораблю грозит гибель или большая задержка – каждый талан на учете, – пояснил Аверя. – А надобности наших желудков в расходные книги не включены.

– Тогда я сама остановлю этот проклятый ветер!

Аверя прижал сестру к себе:

– Потерпи. Сам Бог не скажет, сколько на это уйдет таланов, а с недобором нам в столице делать нечего.

– Сколько же еще нас будет мотать? – выдавил из себя Максим.

– Почем же я знаю?

Нахмурившись, Максим послунял палец, поднял его вертикально и минут пять сидел с очень серьезным видом, бормоча себе под нос какие-то числа. Необходимость в течение последних недель присматриваться и применяться к новым условиям выработала в нем склонность к наблюдению и оценке, и теперь в капризах невесть откуда взявшейся непогоды стало чудиться что-то осмысленное, характерное для живых существ. Между порывами ветра с юго-востока и юго-запада, примерно равными по интенсивности, выдерживались почти одинаковые промежутки, что заставляло вспомнить о том, как человек делает шаги, или о забаве с птицами, когда Максим и Аверя вынуждали их садиться попеременно на верхнюю и нижнюю ветку. Кроме того, ветер явно откликался на продвижение судна вперед, неуклонно поворачиваясь так, что угол между его направлением и курсом корабля увеличивался. Аверя и Аленка не обращали на Максима никакого внимания, видимо, полагая, что их друг молится так, как это принято в его мире, или просто старается себя успокоить. Поэтому Аверя не сразу отреагировал, когда Максим дотронулся до его руки, желая рассказать про свои наблюдения и догадки, и лишь повторное касание заставило его обернуться. Разговор ребят привлек внимание команды и купца Пантелея, находившегося тут же, на верхней палубе; слышались возгласы, в которых сквозили недоумение и страх. Капитан приказал экипажу вернуться к исполнению своих обязанностей, а также принести дополнительный фонарь и большую карту, на которой свинцовой палочкой начал отмечать направление столь причудливо меняющегося ветра. Закончив работу, капитан помрачнел: начерченные линии сходились впереди корабля по обе стороны в двух точках.

– Что там, Дмитрий Лукич? – спросил Пантелей, заглянув через плечо: капитана он знал очень давно и привык общаться с ним по-свойски.

– А ты не знал? Два подводных камня, коих надобно особо остерегаться.

– Корабль наш потонет, ежели напоремся на них?

– Не должен. Трюм зальет только, и товар твой пропадет.

– Вот оно как? Ну, теперь я, кажется, смекнул, в чем тут дело. Велика трюм отпереть.

Вместе с одним из матросов и ребятами, которые увязались следом по зову любопытства, Пантелей спустился туда, где находился товар, причем партии разных купцов были разделены для удобства отчетности. Подойдя к мешку, который принадлежал одному из его спутников, Пантелей развязал его, захватил щепотку пряностей, понюхал и попробовал на язык, после чего на физиономии купца появилось брезгливое выражение. То же самое он проделал с мешком другого своего товарища, покачал головой и, наклонившись к матросу, прошептал ему что-то. Матрос исчез за дверь; спустя некоторое время послышался шум, и в трюм втолкнули двух других купцов. За ними вошел капитан и трое его подчиненных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/anan-in_grigoriy/nizverzhenie-zhar-pticy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)